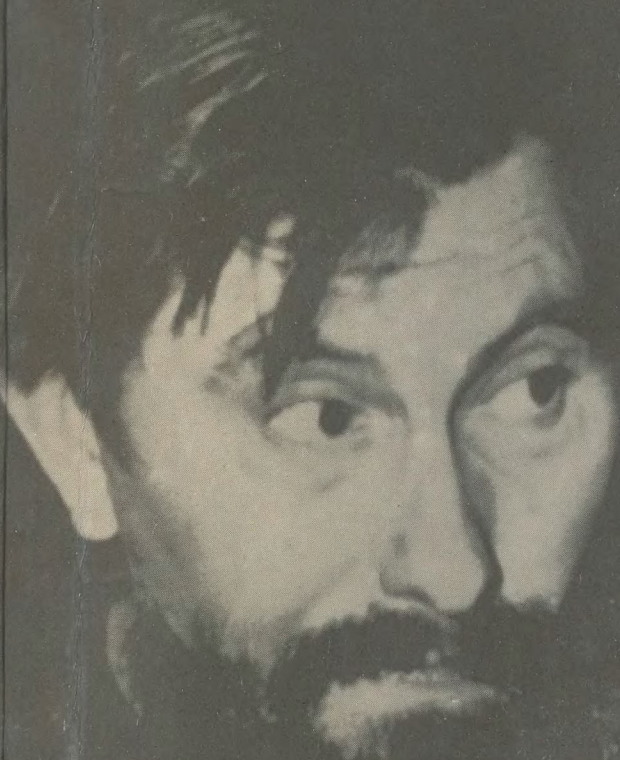

Николай Глазков

НИКОЛАЙ
ГЛАЗКОВ

Автопортрет

**НИКОЛАЙ
ГЛАЗКОВ**
Автопортрет

**СТИХИ
И
ПОЭМЫ**

**МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ*1984**

Хлебозоры

ПРО ВОЙНУ

Сорок первого газету прочти
Или сорок второго.
Жить стало хуже всем почти
Жителям шара земного.

Порядок вещей неприемлем такой.
Земля не для этого вертится.
Пускай начинается за упокой,
За здравие кончится, верится.

1942 г.

* * *

На ветках крохотных берез
Сверкал пушистый иней.
Сорокаградусный мороз
Стоял над речкой синей.
И цвета синего стекла
Вода, зимы не зная,
Неутомимая текла:
Текла, не замерзая.

Казалось, что сошла с ума
Вся водная природа.

Стояла финская зима
Сорокового года.
Бил пулемет. Вода не лед,
Река была преградой.
Но вот один отважный вброд
На пулемет с гранатой!..

А снег белел, и ветер выл
Над ледяной горою
И ничего не говорил
О подвиге героя.
Неутомимая вода
Текла, не умолкая,
Не понимая, что звезда
Восходит золотая!..

* * *

Писатель рукопись посеял,
Но не сумел ее издать.
Она валялась среди Расеи
И начала произрастать.

Поднялся рукописи колос
Над сорняковой пустотой.
Людей громада раскололась
В признание рукописи той.

Одни кричали: «Это хлеб,
И надо им засеять степи!»
Другие — что поэт нелеп
И ничего не смыслит в хлебе.

1942 г.

* * *

За неведомым бредущие,
Как поэты, сумасшедшие,
Мы готовы предыдущее
Променять на непришедшее.

Не тужи о нас. Нам весело
И в подвале нищеты;
Неожиданность инверсии
Мы подняли на щиты.

1943 г.

ХЛЕБОЗОРЫ

Это молния без грома
В ночь, которая темна.
В эту ночь в окно из дома
Не увидишь ни хрена.

Так мне кажется, пожалуй,
А на практике не так:
Разноцветные пожары
Освещают мир атак.

Смерть нисходит на просторы.
Ну и пусть! На смерть плюя,
Освещают хлебозоры
Бесконечные поля.

В эту ночь сверкает небо,
Будет очень много хлеба.

Потому что в стране у меня
Поле хлеба и поле боя.
Немцы выбрали поле огня
Государственным полем разбоя.

Они пошли срывать засовы,
Неистовы в своей вражде.
Их фюрер Гитлер, словно совы,
Отлично видит в темноте.
Его послушные холопы
Идут в бои — и нет Европы!

Предполагают, что Гитлер гений,
А немецкий солдат — автомат,
Но убитые немцы сражений
Не вернуться обратно в дома.

Сверхчеловекозверобог
Живут последние года,
Они воздушные тревоги
Бросают в наши города.

Бомбы падают у дач,
Где не следует;
Миллионы неудач
Нас преследуют.

И вопреки всем мирным жителям
В подлунном мире, под луной,
Хоть не последний, но решительный
Бой.

Гитлер прет оголтелой оравой,
Хочет нашу судьбу порешить,
Ну а мы не умрем со славой,
Ибо надо, прославясь, пожить.

Надо биться в ожесточенье
И ставить в колеса палки.
Если танки имеют значенье,
Почему мы не строим танки?!

Но не поздно пока, мы пойдем и построим
Новых танков тысячи тысяч.
Развернемся танками на просторе,
Пулеметами в стороны тычась.

И никто не скажет: «Стойте!»
Все, кто еще не ушел, ступайте,
Самолеты и танки стройте!
Никуда не отступайте.

Оставайтесь на месте,
Каждый на своем посту.
Плуг исторического возмездия
Свою проведет борозду.

В этой битве судьба решится,
Судьба интереснее, чем роман.
Но пора, товарищи, отрешиться
От настроений мирных времен!

Хотя земля под ногами имеется,
Она вращается хуже, чем колесо.
Военные кадры — красноармейцы —
В такую пору решают все!

Время военное,
Необыкновенное,
Трудное время,
Плохое.

И в то же время
Славное время,
Чудное время
Такое.

Время хорошее
И непохожее
На предыдущие времена.

Наступленческая наша армия
Под победный собирается флаг.
Сокрушительнейший удар ее
В скором времени изведает враг.

Мне плевать на действительность серую
Отступленческого обоза;
Я, Поэт Настоящий, верую
В Россию, в Азию, в Хлебозоры.

А Хлебозоры, те, что исстари
Пронизывали тьму и полутьму,
Теперь напоминают выстрелы
И актуальны потому.

Нет армии непобедимой,
С какой не справится страна,
Но все сливает воедино
Непобедимая война.

Если кончит Гитлер самоубийством
(В сознание своей вины),
Будет самым тогда быстрым
Конец вот этой войны.

Может быть, он того и не хочет,
Может быть, он к тому не готов,

Но мне кажется, что обязательно кончит
Самоубийством Гитлер Адольф.

В домах затемнены огни,
И жизнь войны — как смерч,
И на войне в такие дни
Игра не стоит свеч.

Но не верьте
Тому, что люди говорят о смерти.

А разобьют всех немцев наголову,
Кричат на языке военном,
И то, что было одинаковым,
То будет необыкновенным!

Октябрь 1941 г.

* * *

Ветер, поле, я да Русь
В мире небывалом.
Не сдаешься? Не сдаюсь
Никаким шакалам.

А снежинок всех число
Велико, как горе,
Все дороги замело
Снеговое море.

Я смотрю по сторонам,
Месяц — что полено;
Снеговое море нам
Тоже по колено.

1944 г.

ЭПИЛОГ

Рур ликовал,
Наступал на Урал,
Грыз наш металл,
Как бур.
Прошла та пора,
Грохочет «ура!».
Урал поломал
Рур!

1945 г.

* * *

О счастье не могло быть речи,
Когда, чтоб не страдать в плену,
Народ страны взвалил на плечи
Отечественную войну.

Чтоб кумачовые знамена
Зашелестели веселей,
Погибло двадцать миллионов
Отважных наших сыновей.

Однако, позабыв все беды
И грусть четырехлетней тьмы,
День исторической Победы
Как счастье ощущаем мы!

9-е МАЯ

Ракеты чудной красоты
Пронизывали высь,
И в небе были их следы
Такие же, как мысль.

Мне как поэту изменя,
Из рук бежит перо,
А в небе пишет за меня
Стихи Информбюро.

9 мая 1945 г.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Пятнадцать лет, как началась война,
И десять лет, как кончилась она.
Мы никогда ее не забываем,
Припоминаем эти времена.

Те люди, совесть у кого чиста,
В атаку шли за Родину, за Ста...
Нет! Люди воевали за Россию,
Речь о другом была для них пуста.

Россия не слепа и не слаба,
И это не пустая похвальба!..
Суворовская сила победила!..
Но до сих пор не кончена борьба!..

Вопрос весьма серьезный — кто кого?
Мрак одолеет нас иль мы его?

Внушительной решительной победы
Я не достиг еще при статус-кво.

В литературе все совсем не так,
Литература — это не пустяк!..
Я все еще стою под Сталинградом,
А мне необходимо взять рейхстаг!

**ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
В САМОМ СЖАТОМ ОЧЕРКЕ**

Чуть дремлет недремлющий пламень,
Затихший, но вечный огонь.
Резьбою изрезанный камень
Глядит первобытной строкой.

Объемлет селения пламень;
Но им освещается мгла,
И зодчим отвергнутый камень
Ложится главою угла!

* * *

В созвездья линзами двоякими
Труба смотрела Галилея.
В страну, открытую варягами,
Плыла Колумба корабля.

В страну открытую, забытую —
Таков удел любых Америк,
А старый мир стал картой битой,
Наивной картой Птолемея.

* * *

Как рыбы золотые купола
Плывут туда, где небо синевее,
Из той страны, которая была,
В такую даль, которая новее.

Они плывут, как рыбы из былого,
А мимо них, виденцев старины,
Проходим мы, поэты-рыболовы
И прочие рабочие страны.

1941 г.

* * *

Земля просторна, и на ней не тесно,
Когда вокруг медовая трава.
Неповторимо, сказочно чудесна
Сияющая церковь Покрова.

Великолепно выбрали ей место,
Чтоб отражалась в старице Нерли,
И очень хорошо, что по соседству
С ней новых корпусов не возвели!

СКАЗ О СТАРИННОМ РУССКОМ ЗОДЧЕМ ФЕДОРЕ КОНЕ

Быль сильней, чем небылица,
Не утонет, не сгорит,
Дело мастера боится,
Поговорка говорит.

На Руси у нас работа,
Как история, скоро;
Выдвигались из народа
Золотые мастера.

Трудовое их дерзанье —
Словно подвиг на войне,
Так послушайте сказанье
Вы о Федоре Коне.

Зодчий был на всю Россию,
И сказание о нем,
Он за рост свой и за силу
Звался Федором Конем.

Федор Конь был призван к делу,
А все дело было в том,
Что опричнику Штадену
Он московский строил дом.

Забывал и сон и отдых,
Но изменчива судьба,
И Штадену на воротах
Не понравилась резьба.

Опьяненный царской брагой
И резьбу ворот кляня,
Злой Штаден ударил палкой
Сына плотника Коня.

Федор Конь не молвил слова
И не посмотрел на чин,
Но за палку немца злого
Кулаками проучил.

И, спасаясь от расправы
Всемосковского царя,
Конь бежал в далеки страны
И за синие моря.

Там смотрел, учился, строил,
Днем работал, а во сне
Федор грезил о престольной
Запорошенной Москве.

Все, что в первом Риме встретил
И в Венеции встречал,
То построить в Риме третьем
Непрестанно Конь мечтал.

Мастера далеких стран тех
Архитектору Коню
Предлагали оставаться
В ихнем солнечном краю.

Было там, наверно, лучше.
Лучше было. Ну и пусть...
Федор Конь решил вернуться
В недостроенную Русь.

И в России снова вот он,
А не в солнечном краю,
И царю Ивану подал
Челобитную свою.

Царь Иван, желая форму
И порядок соблюсти,
Мастеру городовому
Жить дозволил на Руси.

Но, чтоб не было веселья,
Был указ царя таков:
За побег в чужие земли
Дать полсотни батогов.

Конь мечтал не о Москве ли
Белокаменных дворцов,
А ему, Коню, велели
Строить лавки для купцов.

Федор Конь тогда построил
Много лавок и домов;
На престол взошел царь Федор,
Коим правил Годунов.

Годунов придумал дело,
Чтоб украсилась Москва:
Приказал воздвигнуть стену
(В наши дни по кругу «А»).

Тут Конь Федор бесшабашно
Окунулся в глубь работ;
То почти достроит башню,
А потом вдруг разберет.

Засверкали камни в досках,
Много было там работ:
С этой башней у Чертольских
(У Кропоткинских) ворот.

Но Борису Годунову
Думны дьяки донесли,
Что нельзя раз третий снова
Строить башню на Руси.

Годунов проверил числа:
Раз... Два... Три... Указ таков:

Ежели и впредь бесчинства
Злоумыслит Федька Конь,
Бить нещадно батогами,
Как последнего раба.

То была его такая
Злополучная судьба.

А потом что было дальше?
Федор Конь назло дьякам
С горя запил и шатался
По московским кабакам.

Если горе, то напейся,
Покупай хмельной товар.
Конь бродил Москвой и песни
Непристойные орал.

Ибо понял, что в боярской
Недостроенной Москве
Не исполниться прекрасной
Белокаменной мечте.

Он достроил стену граду
И за это получил
От царя Руси в награду
Шубу и кусок парчи.

А потом что было дальше?
Не прикованный к стене
Федор, пьянствуя, шатался
По Российской стороне.

Строил крепости и храмы,
Но бывал нередко пьян
И тогда ругал упрямо
Духовенство и бояр.

Батогами его били
И ссылали в этот раз
В Соловецкую обитель,
Где Макар телят не пас.

Но художник всюду волен
Волю вольную любить.
Конь сбежал и не был пойман —
Ветра в поле не словить.

Пять столетий миновало,
Изменилась вся страна,
Лишь у Трубной у бульвара
Сохранилась та стена.

Испытали камни эти
Вековечных дней покой.
Их в шестнадцатом столетье
Нам оставил Федор Конь.

НИКУДАН

Ему приказ последний дан,
И ахнут божие старушки:
Японский смертник — никудан
Звучит понятно и по-русски!

Пускай таких, как он, орда,
Ему, как многим, одиноко:
Его дорога в никуда
И в никогда — и не дорога!

Он, молодой и удалой,
Погиб за дикие идеи,
А победил его — герой,
Который лучше и умнее!

АРОН КОПШТЕЙН

Я его никогда не знал,
Он был парень на все сто.
С ясным взглядом, как цель ясна.
Начертания этих строк.

Я по радио услышал
Превращенные в песни дни —
То Арон проходил по стихам.
Не понравились мне они.

А потом, когда вечер весь
Посвящен Копштейну-поэту,
Я увидел: в них что-то есть,
Но чего-то такого и нету.

На столе лежали листки.
А. Копштейна стихи, письмо ли.
Коль стихи, так стихи как стихи,
Но не выше уровня моря.

Я смотрел в глаза небесам
До начала финляндских битв...
И о нем бы не написал,
Если б не был Арон убит.

Но когда идут на войну,
Может быть, и меня защищать,
Я прощаю любую вину,
Не имея права прощать.

Не имея права судить
Как поэта, так и непээта.
Только памятник соорудить
Я обязан ему за победу.

И пускай протекают года,
Все равно он хороший поэт.
Говорят, он убит. Ерунда!
Он убит, а поэтому НЕТ!

1941 г.

ЮРКА-ГРАФ

Жил на Арбате Юрка-граф,
Он по анкетным данным,
Одной из многих строгих граф,
Причислен был к дворянам.

Рождал гражданских битв буран
Анкетные вопросы,
И на потомственных дворян
В те дни смотрели косо.

А Юрка-граф с дошкольных лет
Мог доблестью гордиться,
И славой дедовской согрет
Был Юрий Коновницын!

Отважный русский генерал
Приветливо и громко
В минуты грусти ободрял
Далекого потомка!

Когда фашистский Голиаф
Шагал к Москве-столице,
Достойный уваженья граф
Сумел с врагом сразиться.

Герой вошел в число потерь
У Энской переправы,
И Коновницыны теперь
Двойной достойны славы!

ЛИТОВСКИЕ СРЕЛЬЦЫ

В 1505 году казанский военачальник Эмин привел к Нижнему Новгороду 40 000 татар и 20 000 ногайцев. Высланная из Москвы подмога застряла в Муроме. Спасли город стрельцы, которых было всего-навсего 300 человек.

Пришла орда ногайцев и татар
И кремль нижегородский осадила,
А воевода доблестный Хабар
Имел немногочисленные силы.
Ответить как ударом на удар?
Найти где огненных стрельцов бесстрашных?
Литовцев пленных пригласил Хабар,
Томящихся в кремлевских темных башнях.

— Сразитесь вы не с Русью, а за Русь,
Получите оружие и свободу!
Вам предлагаю дружбу и союз! —
Сказал нижегородский воевода.
Литовцы встали на защиту стен
И оказались славными стрельцами!
Благословен тот благодатный день,
Когда враги становятся друзьями!

Тут отличился Феденька-литвин:
Ядром ногайского мурзу угробил!
Главарь ногайцев Мухаммед Эмин
Все ногти перегрыз в бессильной злобе!
Врага отбросив от кремлевских стен,
Стрельцы-литовцы были очень рады:
Сменился славою постылый плен,
Свободу получили и награды!

* * *

Вечная слава героям
И фронтовое «прости».
Фронт не поможет второй им,
А мог бы им жизнь спасти.

Лучше в Америке климат
И дешевизнее быт;
Но мертвые сраму не имут,
А вы отказались от битв.

Вы поступаете здраво,
Пряча фронты по тылам;
Но в мире есть вечная слава,
Она достается не вам.

1944 г.

ЧЕХОВСКИЙ ДОМИК

На берегу Садового кольца
Стоит уютный двухэтажный домик,
К нему подходим, и уже с крыльца
Он нас с Антоном Павлычем знакомит.

Здесь доктор Чехов принимал больных,
Писатель Чехов сочинял страницы —
И гражданин великий их двоих
Соединил, чтоб правде утвердиться.

Достиг он зрелых творческих вершин
И помнил молодости идеалы...
Когда собрался я на Сахалин,
То в домик Чехова зашел сначала.

ТУРЕЦКАЯ САБЛЯ

Сильные направили мечи
Против слабых, обнаживших сабли,—
Дрогнули в сраженье силачи:
Быстро утомились и ослабли.
Саблю изобрел простой кузнец —
Человек, расчетливо практичный,
Понимал он: рыцарям конец,
Станет конница демократичной!

Покорялись туркам-слабакам
Силачи, увенчанные лаврами:
Юнаки отважные Балкан,
Грозные арабы вместе с маврами.
Европейцы — тож не дураки,
Очевидцы рыцарской трагедии
Переняли легкие клинки,
Но ушло на это два столетия!

А Стамбулом правящий султан,
Говорят учебники истории,
Захватить успел десятки стран
Солнечного Средиземноморья.
Русь могучей сделалась потом,
Славилась суворовцами храбрыми,
Учинила Турции разгром,
Но разила турок их же саблями!

ПОЧЕМУ Я ОТКАЗАЛСЯ ОТ САМОЛЕТА

Не из скаредности-корысти
Отказался я от скорости:
В поезде, на пароходе
Денег столько же уходит,
Сколько и на самолете.

Но поехал я на поезде
И поплыл на пароходе.
Отказался я от скорости
Из любви к родной природе.

Видел красоту Сибири,
Видел Лены берега.
А на «ТУ» или на «ИЛе»
Что б увидел? Облака!

Не заметил бы богатства
Той земли, что так прекрасна.
Нам, поэтам, верхоглядство
Очень противопоказано!

* * *

У нас так любят переименовывать
Скоропостижно и неосторожно...
Но старое название от нового
Здесь отличить, пожалуй, невозможно.

Святые горы — Пушкинские горы!..
Холмы, равнины, и леса густые,
И голубая Сороть, и озера,
Коль Пушкинские, то вдвойне Святые!

* * *

Оттого, что жизнь моя — легенда
Мне всучила лавры Дон Кихота,
От Москвы поехал до Ташкента
Осенью 47-го года.

Уезжал от осени и дрязг,
Покидая с башнею вокзал,
И колес однообразный лязг
Ничего про это не сказал.

Ехал я надолго и всерьез,
Чтобы отряхнуться от Европы,
И традиционный паровоз
В Азию со мной стремился, чтобы

Мог я ощутить простор Расеи,
Собственную грусть-тоску рассеивая,
Чтоб найти скрижали, там посеянные,
Неразменный рубль пути спасенья.

Ехал я, чтоб отыскать скрижали,
О Москве нисколько не жалея,
А они, наверное, лежали,
Под дождем бессмысленно ржавея.

Таково предвиденье земное,
Но всегда прекрасен путь далекий;
Путники усталые со мною
Ехали такую же дорогой.

Тысячи неведомых причин
Зашвырнули нас в Узбекистан;
Октября горячие лучи
Путников приветствовали там.

Там, в Ташкенте, солнечный вокзал,
Как в легенде солнечный базар.
Сколько есть на свете винограда —
Никогда до этого не знал.

Но не пьют там издавна до дна
Душевеселящего вина,
И в самой себе растворена
Азия, пьянящая страна.

Самая из всех земель большая,
Непонятно, как она возникла
И на Старосветском полушарье
Залегла косматой шкурой тигра.

И в трудах пустынно-неустанных
Шахматными досками легла,
Где история племен и станов —
Начатая от ладьи игра.

И она — как сказка и легенда,
Как стихи, какие сочинял...
Я бродил по улицам Ташкента,
Пыль была на шишечках чинара.

С давних лет она сюда пришла,
Эта пыль, как бред нехороша,
Потому что каждая пылинка
Воина убитого душа.

Смерти беспощадные слова
Воинов косили, как траву,
Не одна погибла голова —
Пыль стоит в Ташкенте потому.

ИВАН ГОЛИКОВ

Иконописец Голиков,
Освоив ремесло,
Российских алкоголиков
Пополнить мог число.
Мог позабыться смолоду
Законно и зазря,

Но всколыхнули золото
Знамена Октября!
Красу изделий павловских,
Ростовскую финифть
И суть исканий палехских
Сумели обновить!

Он осознал, что родственны
Шкатулки палешан
И флорентийской росписи,
И краскам парижан.

И вольные соцветия —
В них голиковский вихрь —
Пополнили созвездие
Шедевров мировых!

* * *

Геологи брели пустынной тундрой,
В термометрах позамерзала ртуть.
Читатель мне подскажет рифму «трудный»,
Я соглашусь: у них нелегкий путь.

Геологи найти пытались чудо:
Когда оно проступит в холода,

То отступает нудная простуда...
И хлынула термальная вода!

Геологи прекрасно искупались
И отдохнули от земных тревог:
Вокруг свирепо бушевала ярость,
А им достался райский уголок.

Геологи резвились, словно в бане,
На берегу причудливой реки,
Ну а потом решили, как крестьяне:
На этом месте будут парники!

* * *

Пусть с вашей точки зрения
Все это извращения —
Но мир в момент творения
Был создан из вращения.

Вращались точки мнимые,
Что не имеют плотности,
Потом вращались линии,
Потом вращались плоскости.

Вращалась вся Вселенная,
Был бесконечный радиус.
Всё для увеселения,
Всё, что живое,— радуйся!

А ежели в наш век не те
Я изложил учения,
Возьмите опровергните
Пяти минут в течение.

1947 г.

МОЯ ЖЕНА

Не две дороги светлого стекла,
Не две дороги и не две реки...
Здесь женщина любимая легла,
Раскинув ноги Волги и Оки.
Запрокинув руки рукавов
И золото своих песчаных кос,
Она лежит на ложе берегов
И равнодушно смотрит на откос.

Кто знает, что она моя жена?
Я для нее не пожалею строф,
Хотя не я дарил ей кружева
Великолепно связанных мостов.
Она моя жена, а я поэт...
Сто тысяч раз изменит мне она,
Ни ревности, ни ненависти нет:
Бери ее, она моя жена!

Она тебя утопит ни за грош:
Есть у нее на это глубина,
Но, если ты действительно хорош,
Возьми ее, она моя жена.
Возьми ее, одень ее в гранит,
Труды и камни на нее затрать...
Она такая, что не устоит
И даст тебе все то, что сможет дать!

ПОСЛЕДНИЙ ЗИМНИЙ

Последние ступеньки лестниц
Для грузчика трудней, чем старт,
И самый тяжкий зимний месяц —
Не сумрачный декабрь, а март.

Мне возражат: — Март — месяц вешний,
В нем пробуждение луча!..—
Я соглашусь: — Оно конечно,
Но только не для москвича.

Не отшумели все метели,
Спят под сугробами ручьи,
И до Москвы не долетели
Еще картавые грачи.

Не так прозрачна, как морозна
Небесная голубизна,
И если говорить серьезно,
То не пришла еще весна!..

Влача последний зимний месяц,
Я непростительно устал.
Последние ступеньки лестниц
Для грузчика трудней, чем старт.

ДОЖДЬ 16 АВГУСТА

От дождя асфальт из черного стал белым,
Дождь хлестал, струился и стучал
По спервоначалу оробелым,
Ко всему привычным москвичам.

Началось такое половодье,
Что достигло глубины колес.
Может быть, во всем водопроводе
Столько бы воды не набралось.

Шел троллейбус, образуя волны,
Эти волны тоже не пустяк,
И дождем, наверно, недовольны
Милиционеры на постах.

Сразу в подворотнях и подвалах
Стало тесно от промокших толп.
Был такой волшебный беспорядок
И очаровательный потоп.

С крыш с

р

ы

в

а

л

и

с

ь водопады, струйки,
Дождь резвился, как никто иной;
Это к нам протягивает руки,
Пальцы растопыря, водяной.

И бегут без цели по панели
Через мимолетные струи
Те, что всех моложе и умнее,
Может быть, читатели мои.

1948 г.

ФИЛЬМ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

Шагали тевтоны
Дорогой врагов —
Вступали стотонно
В поверженный Псков.
Предатель Твердила
Их в город впустил —
Резвились верзилы
У свежих могил.
На поприще веском
Наш князь Александр,
По прозвищу Невский,
Крушил их фасад.
С умением русским
Тот рыцарский сброд
На озере Чудском
Отправил под лед!
Мне дни боевые
Познать суждено,
Когда я впервые
Снимался в кино.
Когда с дерзновенным
Сражался врагом
В году довоенном,
В том тридцать восьмом.

Вращался пропеллер,
Вздымая метель,
И вихри пропели:
«Мы те ли, мы те ль?
Из пыла и мела
Мы веем слегка,
А вьюга имела
Снега да снега!..»
Мне меч мой из древа
Надежно служил —
Направо, налево
Ландскнехтов крушил.
Разил их, взгляните,
Как будто зимой,
А солнце в зените
Струило свой зной.
Проворно и ловко,
Фанерой гремя,
Массовка массовку
Теснила, грома.
Простой и высокий —
Не нужен мне грим, —
Я в русской массовке
Служил рядовым.
Привязан к телеге
Твердила-злодей.
Кричали коллеги:
— Предателя бей! —
Удары не слабли,
Долбали всерьез —
И капали капли
Действительных слез.
Ни в чем не повинный
Страдал наш актер.
— Полсотни накину! —
Сказал режиссер.

Тот вспомнил, рыдая,
Жену и детей
И снова удары
Сносил, как злодей!
Себя на экране
Найти я не смог,
Когда поле брани
Смотрел как знаток.
Себя было сложно
Узнать со спины...
Все сделал, что можно:
Спасал честь страны.

Автопортрет

* * *

Стихи — не ноги футболиста,
Не первоклассника тетрадь —
Стихов читать не надо быстро:
Их надо медленно читать.

Стихи не всякий разумеет,
Их проглотить не торопись.
Бывает, что стихи имеют
Еще второй и третий смысл!

* * *

Куда спешим? Чего мы ищем,
Какого мы хотим пожара?
Был Хлебников. Он умер нищим,
Но председателем Земшара.
Стал я. На Хлебникова очень,
Как говорили мне, похожий;
В делах бессмыслен, в мыслях точен,
Однако не такой хороший.
Пусть я ленивый, неупрямый,
Но все равно согласен с Марксом:
В истории что было драмой,
То может повториться фарсом.

1945 г.

ГИМН КЛОУНУ

Я поэт или клоун?
Я серьезен иль нет?
Посмотреть если в корень,
Клоун тоже поэт.

Он силен, и спокоен,
И серьезномышлен —
Потому он и клоун,
Потому и смешон.

Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака.

И, освоив страницы
Со счастливым концом,
Так легко притвориться
Дураку мудрецом!

1968 г.

* * *

Желаю стать таким опять,
Каким я был лет в двадцать пять,
Когда сложил немного строк,
Но бегать мог и прыгать мог.

Мечтаю, впрочем, я о чем?
Я не был лучшим силачом:
С простуд чихал, от стужи дрог,
Но драться мог, бороться мог.

Себя счастливым не считал.
Чего желал? О чем мечтал?
Мечтал, что буду я велик,
Желал издать десятки книг.

О чем мечтал, того достиг,
И с опозданием постиг,
Что я неправильно мечтал
И потому устал и стар.

Творю печатную строку,
Но бегать, прыгать не могу
И стать желаю, как балда,
Таким, каким я был тогда!

1979 г.

СЕБЕ

Свои грехи преодолей,
Как Эверест турист,
И ты не протонерей,
А неофутурист.

А в этом счастье и тоска,
Но так и надо так.
И прогремят стихи пускай
Созвучьями атак.

А фронда — это ерунда.
Да сгинет пусть она.
Иди туда, ведет куда
Тебя твоя страна.

А бога нет, и черта нет,
И жизнь одна дана,
Но если смерть придет, поэт,
То смерть, как жизнь, одна.

1940 г.

* * *

Дома домов столицами столиц
Превращены в развалины развалин,
Чтоб крики криков раздалась
Воззваниями воззваний!

Огни огней знаменами знамен
Стихи стихов зажгли в моей душе,
Чтоб я стоял у времени времен
На самом стоэтажном этаже!

1940 г.

* * *

Но если путь к иным победам
Я предпочту иным дорогам,
Тогда не буду я поэтом,
Тогда не буду я пророком.

Я обрету людей степенность,
Я принесу немало пользы,
Меня признает современность;
Но обо мне забудут после.

1944 г.

* * *

Своих стихов не издавая,
Ищу работы отовсюду,
Пилить дрова не уставая
Могу с рассвета до салюта.

Могу к Казанскому вокзалу
Доставить чемоданов пару.
Могу шататься по базару
И загонять там что попало.

В Поэтоград моя дорога,
Меня среда не понимала,
Так что могу я очень много
И в то же время очень мало.

1944 г.

ЗА МОЮ ГЕНИАЛЬНОСТЬ!..

Мне простите, друзья,
Эту милую странность,
Но не выпить нельзя
За мою гениальность!..

Не хвалю я себя,
Просто сам в себя верю:
Откровенность любя,
Не терплю лицемерья.

Нынче этот порок
Уподобился язве.
Говорю, как пророк,—
Не согласны вы разве?

А грядущая даль
Для меня что реальность.
Опрокинем хрусталь
За мою гениальность!..

Согласиться я рад
Даже с первого раза,
Что историю творят
Не герои, а массы.

Но в искусстве царит
До сих пор необычность,
И искусство творит
Гениальная личность.

Как великий поэт
Современной эпохи
Я собою воспет,
Хоть дела мои плохи.

В неналаженный быт
Я впадаю, как в крайность...
Но хрусталь пусть звенит
За мою гениальность!..

1959 г.

* * *

Что такое моя биография?
Километры и годы — простор ее.
Это будет тогда география,
География и история.

По призванию и по сути я
Летописец и путешественник.
Вспоминаются реки Якутии
И события века, естественно.

У меня, как в судьбе поколения,
Пораженья, и сдвиги победные,
И открытия, и откровения,
И богатства Отчизны несметные.

Ну а ежели насчет денег как?
Их нехватка — явление знакомое.
Это будет тогда арифметика,
Не скажу, что политэкономия!..

Все стремления и размышления
Устремляю в правдивые строки я.
Хороши ли мои устремления?..
Это будет тогда философия.

1965 г.

В. ХЛЕБНИКОВУ

Работаю на Поэтоград.
Не разливанка — винный берег:
Мой ежемесячный оклад
Лишь 235 копеек.

Смех невозможно запретить.
Засмейтесь, смехачи, засмейтесь:
Чтоб не работать, сам платить
Готов 500 копеек в месяц.

Пускай таскаю я мешки
И ничего не получаю,
Пусть неуместны здесь смешки,
Мой стих не сменится печалью.

Мне не хватает на харчи,
Но, чтоб в глупца не превратиться,
Скажу: «Засмейтесь, смехачи!»,
Как «Все-таки она вертится».

1944 г.

* * *

Хочу одного, хотя я изгой,
Чтоб было всем хорошо;
А мир состоит из несчастий, из горь
Да и из молекул еще.

Ни на кого не хочу пенять
За в чем-либо невезенье,
Надо понять
ВСЕ —
В этом мое спасенье:

Приказать, рассказать, досказать,
Сбить у замка замок,
Чтоб не мне могли доказать,
А я доказать мог.

1943 г.

* * *

Быт заел, или сам устал
От своих и чужих бед...
И стихи писать перестал
Очень хороший поэт.

Говорю: не писать трудней,
Только я куда-то спешу
И поэтому целых сто дней
Почти ничего не пишу.

— Только времени зря не трать,—
Сам себе все время твержу.
Не хочу себя повторять —
И поэтому не пишу.

Не хожу ни в театр, ни в кино,
Не читаю ни книг, ни брошюр.
Значит, то-то оно и оно —
И поэтому не пишу.

Без стихов моя жизнь петля,
Только надо с ума сойти,
Чтоб, как прежде, писать стихи для
Очень умных, но десяти.

1944 г.

МУЖИК

Москва. Декабрь. Пятьдесят первый год.
Двадцатый, а не двадцать первый век.
Я друг своих удач и враг невзгод
И очень невезучий человек.

А за окном обыкновенный снег.
Его бы мог сравнить я с серебром.
Зачем? Я простодушный человек,
Который платит за добро добром.
Который понимает, что зимой
Снег популярен — потому воспет.
А я предпочитаю летний зной
И вешних яблонь белоснежный цвет.

Мне счастье улыбалось иногда,
Однако редко; чаще не везло,
Но я не обижался на года,
А возлюбил поэта ремесло.
Чтоб так же, как деревья и трава,
Стихи поэта были хороши,
Умело надо подбирать слова,
А не кичиться сложностью души.

Я к сложным отношениям не привык.
Одна особа, кончившая вуз,
Сказала мне, что я простой мужик.
Да, это так, и этим я горжусь.
Мужик велик. Как богатырь былин,
Он идолищ поганых погромил,
И покорил Сибирь, и взял Берлин,
И написал роман «Война и мир»!

Правдиво отразить двадцатый век
Сумел в своих стихах поэт Глазков,
А что он сделал, сложный человек?..
Бюро, бюро придумал пропусков!

ВОДОПАД КИВАЧ

Он то и дело гонит бревна,
Их многотонно перебрав,
Остервенело и любовно
Осуществляет лесосплав.

Он со времен палеолита
Бежит по этим бревнам вскачь,
Неистовый и знаменитый
Волшебный водопад Кивач.

Так, извергаясь ошалело,
Он по душевной простоте
Наполовину служит делу,
Наполовину — красоте.

Так и поэт, который смело
Своей доверился мечте,
Наполовину служит делу,
Наполовину — красоте.

Так и поэт, веселый автор,
Стихи чеканя и граня,
Творит свои стихи для завтра
И для сегодняшнего дня.

* * *

Мне победа нужна, а не месть,
Все неясное очевидно;
Разве книга такая есть,
Чтобы я не мог сочинить?

Мне доро́га моя дорога́,
Не устану по ней бродить;
Нету в мире такого врага,
Чтоб друзья не смогли победить.

1945 г.

* * *

1

Так работают: утро, день, вечер,
Что едва поспекает Гознак;
Заработав, бросают на ветер,
Не на ветер, а на сквозняк.

И работают вновь, задыхаясь
От вседневных забот и обид,—
Это есть артистический хаос
И неарифметический быт.

2

Где они, на каких планетах,
Разливанные реки вина?
В нашем царстве поэтов нет их,
Значит, тактика неверна.

Я достаточно сделал для после,
Для потом, для веков, славы для;
Но хочу ощутительной пользы
От меня не признавшего дня.

Мне писать надоело в ящик
И твердить, что я гений и скиф
Для читателей настоящих,
Для редакторов никаких.

1944 г.

ПРО ЧЕРТЕЙ

В чертей хоть верьте, хоть не верьте,
Но я скажу вам не шутя:
Мне начали являться черти
От многодневного питья.
Они являлись мне ночами
Из тьмы безграмотных веков
И с подоконника кричали:
— Глазков, Глазков, Глазков, Глазков!

Те черти вовсе обнаглели
И сразу после пьянваря
Расположились на постели,
Мне ничего не говоря.
Они в количестве немало
Обрушивались на кровать,
Барахтались под одеялом
И, так сказать, мешали спать.

Нечистый этот шум, однако,
Меня нисколько не смущал:
Япил живительную влагу,
Когда потребность ощущал.
Что черти мелкие поэтам?
Их не должны пугаться мы!
Но как-то раз перед рассветом
Ко мне явился сам князь тьмы.

Он, серый, словно весь из дыма,
Стал дуть что было адских сил —
И я весомо, грубо, зримо
Смертельный холод ощутил...
С тех пор... Да сгинет сила злая!
Я самому себе не враг:
И водку не употребляю,
А лишь по праздникам коньяк.

1954 г.

* * *

Зал рукоплескал
И схватывал стихов слова,—
Владимир Яхонтов читал
Владимира Маяковского.

Никто не ждал победы бреда...
Нелепо радовать толпу
Стихами лучшего поэта
И разделить его судьбу.

Несправедливо и нелепо
Шагает смерть, одна и та ж...
Нет! Не хочу бросаться в небо,
Забравшись на шестой этаж!

Хочу, чтоб людям повезло,
Чтоб гиря горя мало весила,
Чтоб стукнуть лодкой о весло —
И людям сразу стало б весело.

Когда с мечтой хорошею
Печально я порву,

Уйдет далёко в прошлое
Все то, чем я живу.

Живу, стихов не издавая,
Зато поэзию творю.
Неважно, как я поступаю,
А важно, что я говорю.

Что говорю, тем обладаю,
А издаваться не спешу.
Неважно, что я там болтаю,
А важно то, что я пишу.

Пишу, что станет жизнь иная,
Поэтоградской наяву.
Неважно, что я сочиняю,
А важно то, как я живу.

Неважно, что поэт обманут
Не согласившимися с новым,
А важно, что его помянут
Великолепным добрым словом.

Глупцы вели со мной беседы,
Совсем не то вообразя...
Должны существовать все беды,
Чтоб познавались все друзья.

В искусстве ценят древность либо
Безоговорочное новое.
Всё, что друзья сказать могли бы,
Я беспощадно зарифмовываю.

Друзья со мной проводят время,
Как будто им и делать нечего.

Для них слагаю я поэмы
Так гениально и доверчиво.

Но и мои друзья не верят,
Что я великий гуманист...
А хорошо, что ветер веет,
И хорошо, что зелен лист.

Что солнцем, а не только печкой
Бывает человек согрет,
Что иногда поэт беспечный
Встречает радостный рассвет.

Настанет день, не станет ночи,
Настанет ночь, не станет дня.
Так жизнь становится короче
Для всех людей и для меня.

Но проживу чем больше дней я,
Тем лучше зазвенит строка.
Так жизнь становится длиннее
И глубже, так же как река!

Пусть и поэтам будет весело
В дни испытаний и побед.
Поэты — это не профессия,
А нация грядущих лет!

* * *

Москва послевоенная.
Ее себе представь:
Живут в ней повседневная
И праздничная явь.

Рассветная — занудная
От серой суеты,
Вечерняя — салютная —
Уводит в мир мечты.

1944 г.

* * *

Вне времени и протяжения
Легла души моей Сахара
От беззастенчивости гения
До гениальности нахала.

Мне нужен век. Он не настал еще,
В который я войду героем.
Но перед временем состаришься,
Как и Тифлис перед Курюю.

Я мир люблю. Но я плюю на мир
Со всеми буднями и снами.
Мой вечный образ вечно юными
Пускай возносится как знамя!

Знамена, впрочем, тоже старятся,
И остаются небылицы;
Но человек, как я, останется:
Он молодец и не боится!

* * *

Не я живу в великом времени,
А времена в моих строках,
И тем не менее
Я оставался в дураках.

Что мне ждать еще? Успеха ли?
Мне не до смеха ли?
Ехали
Ухари

Морею-сушею.
Эхо ли?
Ухо ли?
Слышало? Слушаю.

На́ небо просишься.
Страх в лице. Спрячь его,
Выдумай прозвище
Самого зрячего.

Что ж ты надеешься?
Что ж тебе хочется?
Выдумай день еще.
Ночь придет. Кончится.

* * *

Другу из Поэтограда

И в этой самой жизни нашей,
В быту лишений и побед,
Ты, милый, самый настоящий
Очаровательный поэт.

Ты пишешь очень много дряни:
Лишь полуфабрикат-руду,
Но ты прекрасен, несмотря ни
На какую ерунду.

В рубцах твоих стихов раненья,
Которые в огне атак.
А те, кто лучше и ровнее,
Писать не выучатся так.

У них стихи круглы и дуты,
Хоть и металл, а не руда,
И никакие институты
Им не помогут никогда.

1945 г.

* * *

С. М.

Мы подрубим сучки,
На которых сидим,
И сожжем свои корабли...
И я буду один, и ты будешь один,
Словно иначе мы не могли.

И уйдем, и не выпьем стаканов до дна,
И покинем праздничный пир,
И ты будешь один, и будет одна
Та, которую кто-то любил.

Я поссорюсь с тобой,
Ты расстанешься с ней,
И настанет такой денек,
Что ты будешь один,
но не станешь сильнеей
Оттого, что ты одинок.

1945 г.

ЛЮБИМАЯ ИГРА

Евгению Ильину

Я с детства не любил лото
И в нем не принимал участия.
Я не любил его за то,
Что вся игра велась на счастье.
Свое удачное число
Другой вытягивал, как милость.
Я не хотел, чтоб мне везло,
А ратовал за справедливость.

Я с детства в шахматы играл,
Был благородным делом занят.
И я на то не уповал,
Что мой противник прозевает.

И не испытывал тоски,
Когда сдаваться приходилось:
На клетках шахматной доски
Немыслима несправедливость!

* * *

Жизнь моя для стихов исток,
Я могу подвести итог:
Написал пятьдесят тысяч строк,
Зачеркнул сорок пять тысяч строк.

Это значит, что все плохое,
Все ошибки и все грехи,
Оставляя меня в покое,
Убивали мои стихи.

Это значит, что все хорошее,
Превзойдя поэтический хлам,
С лицемерьем сражаясь и с ложью,
Даровало бессмертье стихам!

1948 г.

* * *

Что ни год, идет вперед
Бесконечно долгий путь тот:
Все, что будет, все пройдет,
Что пройдет, того не будет.

Все сметут, сведут на нет
Годы, бурные, как воды,
И останется поэт —
Вечный раб своей свободы!..

1952 г.

* * *

Я стремлюсь, влюбляясь и рискуя,
Жизнь свою стихами отражая,
К голубым просторам Иссык-Куля,
К высям неизведанным Тянь-Шаня.

Там шуршат былинные поверья,
На которых держится земшар,
И растут огромные деревья
Сами, и никто их не сажал.

Этой непосредственности ради,
Ради неподдельной правоты
Я хочу мечтать о Китеж-граде,
О глубинах голубой воды.

Это так необходимо ибо,
И про это я стихи слагал.
Там плывет таинственная рыба,
В пятнах вся, как будто ягуар.

В этих неизведанных краях,
В легендарных ледниковых полях,
В сказочных мечтах интеллигента,
Может быть, любовь и не легенда.

1948 г.

* * *

Колосья подкосило колесо
И стало колоскам нехорошо.
Но ночью отдохнули колоски
И утром, встав, не ведали тоски.

Как эти злаки, в добрый час утра
Надеюсь так же бодро встать с одра
И побежать куда-нибудь туда,
Где солнышко, деревья и вода!

1978 г.

* * *

Кем больше быть хочу,— спросили
Меня товарищи-коллеги,—
Талантливым поэтом или
Хорошим человеком?

— Хорошим человеком больше
Желаю быть,— я им ответил.
Я три десятилетия после
Старался быть и тем, и этим.

До объективности дорос,
Итоги подвести осталось:
Поэтом стать мне удалось,
Быть человеком — удавалось!

* * *

Жить и жить полезней и прелестней,
Чем лекарства смерти принимать,
После продолжительной болезни
Жить и жить мне хочется опять.

Живописны яблони и вишни,
И, беспомощно ложась в постель,
Жить и жить хочу во имя жизни:
Жизнь — не средство, это самоцель!

Увяданье, замерзанье грустно,
Радостно цветение цветка.
Жизнь — это искусство для искусства,
Смело устремленное в века!

КРАТКОСТИШЬЯ

* * *

Пускай всегда на глаз или на слух
Нам больше нравится один из двух;
Но оттого, что соловей хорош,
Отнюдь не следует, что плох петух!

* * *

Всем смелым начинаньям человека
Они дают отпор.
Так бюрократы каменного века
Встречали первый бронзовый топор.

* * *

Годы отходят в сторону.
Нет остановок и пристаней.

Все гениально устроено,
Если всмотреться пристальней.

* * *

И неприятности любви
В лесу забавны и милы:
Ее кусали муравьи,
Меня кусали комары.

* * *

Из тысячи досок
Построишь и дом и шалаш;
Из тысячи кошек
И дохлого льва не создашь!

* * *

Дом, который много стоил,
Походил на Парфенон,
Но отнюдь не красотой,
А количеством колонн.

* * *

Над ним невзгода не нависла,
Везло ему и ДО и ПОСЛЕ,
Он счастлив был, когда женился,
И счастлив был, когда развелся!

Хихинора

НОВГОРОДСКАЯ ГРАМОТА

«Аз тебе хоцю!» — писал писалом
На берёсте грамотный мужик.
Был, наверно, откровенным малым
И в любви желанного достиг.

Так непринужденно, откровенно
И нелицемерно хорошо
На бересте до него, наверно,
Милой не писал никто еще!

Это удивительно похвально,
Что сумел он грамоту постичь
И сказать так просто, гениально,
Чтоб в любви желанного достичь:
— Аз тебе хоцю!..—
Здесь взлет отваги,
Честное влечение души...

Мой коллега-лирик, на бумаге
Попытайся лучше напиши!

* * *

От ерунды зависит многое —
И, верный милым пустякам,
Готов валяться я у ног ее
Из-за любви к ее ногам.

Она, единственная самая,—
Душе живительный бальзам,
Лишь на нее глядят глаза мои
Из-за любви к ее глазам.

ХИХИМОРА

1

Не ищу от стихов спасенья.
Так и буду писать всегда.
У меня все дни — воскресенья.
И меня не заела среда.

Сочиняю вечно стихи мои,
Хотя жажду иного счастья,
И рассказываю о Хихиморе,
Чтоб к ней больше не возвращаться.

Она смотрит куда-то глазами
И покачивается, как челн,
И ни в чувстве ее, ни в разуме
Смысл всего, а черт знает в чем.

Астрология и алхимия
Повседневные наши труды.

Дорогая моя Хихимора,
Все зависит от ерунды!

Наши встречи зависят от случая...
Я люблю — сочиняю стихи я...
Ты из девочек самая лучшая,
Ну а все остальные плохие!..

Впрочем, впадаю в ложь и я
В процессе стихованья.
Все девочки хорошие,
Как говорила Фаня.

Девочки скажут мне: выбирай нас —
Я легко поддамся внушению.
Любовь — объективная реальность,
Данная нам в ощущении!

Поэтому вечно я
Глазею на
Первую встречную:
Она или не она?

Иду и думаю,
Когда иду,
Тогда про ту мою
И эту ту.

А в ночь угрюмую,
Когда темно,
Иду и думаю:
Что мне дано?

Что дано? Причитанья причуд,
Неоткрытых открытий высоты,
Мысли, что мудрецы перечтут,
А глупцы превратят в анекдоты...

Что дано? Ничего не дано:
Не дается оно, а берется.
Надоело давным-давно,
Что за все это надо бороться.

Пусть желанье мое исполнится,
И стихами отражена
Ты моя, если хочешь, любовница,
Если вывески любишь — жена.

Пусть желанье мое исполнится...
Через несколько лет все равно
Будет новое что-то и вспомнится,
Как меня обмануло оно!

2

Не знаю, в каком я раю очутюсь,
Каких я морей водолаз;
Но мы соберемся под знаменем чувств,
Каких не бывало до нас!

И взглянем с непризнанной высоты
На мелочность бытия.
Все очень ничтожно и мелко... А ты?
Ты тоже ничтожна. А я?

Я как-то нездакно дни влачу;
Но не унываю теперь.
Как пьяницу тянет к поллитричу,
Так тянет меня к тебе ль?..

Ну а почему — ты не ведаешь —
Не мне, а другим лафа?
Нужна над тобой мне победа лишь,
А все остальное слова.

Ищи постоянного, верного,
Умеющего приласкать;
Такого, как я, откровенного,
Тебе все равно не сыскать!

Ищи деловитого, дельного,
Не сбившегося с пути;
Такого, как я, неподдельного,
Тебе все равно не найти!

Люблю тебя за то, что ты пустая;
Но попусту не любят пустоту.
Ребята так, бумажных змей пуская,
Бессмысленную любят высоту.

Ты не можешь хотеть и не хочешь мочь.
Хорошо быть с тобой на «ты»...
Я тебя люблю. Перед нами ночь
Неосознанной темноты.

Непохожа ночь на нож,
Даже если нож неостр...
Мост на берег был похож,
Берег был похож на мост.

И не ехали цыгане,
Не мелькали огоньки,
Только где-то под ногами
Снегом скрытый лед Оки.

Мост над речкой коромыслил,
Ты на Третьем берегу...
Я тогда о чем-то мыслил,
Если вспомню, перелгу.

Огромный город. Затемнение.
Брожу. Гляжу туда, сюда.

Из всех моих ты всех моейнее —
И навсегда!

Как только встретимся, останемся,
Чтоб было хорошо вдвоем,
И не расстанемся, и не состаримся,
И не умрем!

1944 г.

* * *

Раннее утро. Москва тиха,
Птички: чирик-чирик!
Странно и мудро слова стиха
Я подбирать привык.

Женщина рядом. Ее люблю.
Часики бьют: тик-так!
Я почему-то не сплю, а пью,
Пью с любимой коньяк.

Пью за нее, за стихи, за рассвет
И за счастье, которого нет!
Нет его. А почему?

Счастье, оно приходит потом,
А может, счастье не в счастье самом,
А в стремленье к нему?

* * *

Могу от женщин одуреть я
И позабросить все дела,
А женщина за все столетья
Ничего не изобрела.

Всему виной один мужчина,
Все сделал он, а не она,
И даже швейная машина
Не ею изобретена.

ЧИСТАЯ ЛИРИКА

1

Зимой я замерзаю от мороза,
А на сугробах не растут цветы;
Но я курю, и дым от папиросы
По-моему красивее, чем ты.

А если баба явится из дыма,
То мне такая баба не нужна.
Мне холодно, безумно и пустынно,
А ты ко мне дороги не нашла.

2

У меня с тобою предисловье,
Увертюра, старт, дебют, начало,
Неблагоприятные условия
Нам мешают видеться ночами.

Чтоб за белых приняли ворон нас,
Ты не хочешь, мне же все равно.
Между нами недоговоренность,
За договоренность пью вино.

В дни, когда победу можно праздновать,
Очень глупо временить года;
Ты сказала мне: «Нельзя же сразу».
Я сказал: «Нельзя же никогда!»

3

Если, в своих же стихах утоня,
Так и останусь беспутным и путающим,
Ты останешься для меня
Вспоминаньем о будущем.

Если в делах, как в любви, повезет,
Так, что при жизни добиться сумею
До неосмертных признаний — высот,
Родина станет любимой моею.

Ну а сейчас, в этот час или миг,
В дни треволнений непреодолимых,
Ты навсегда зачеркнула моих
Всех предыдущих, когда-то любимых.
Так им и надо.

4

Возле дома того водоем,
Хорошо быть в доме твоём,
И когда остаемся вдвоем,
Каждый раз мы себя выдаем.

Выдаем себя каждый раз,
Только люди не ведают нас:
Утонувшие в омуте фраз
Ни ушей не имеют, ни глаз.

И не видят, не слышат они,
И проходят и ночи и дни,
И горят папиросок огни,
И хорошо, когда мы одни.

5

Если нет света, значит, ты
Ушла туда, где света нет,
И пропадай мои мечты
В твоём окне увидеть свет.

И, темнотою ослепя,
Окно смеется надо мной.
Мне без тебя как без себя —
И с горя я иду домой.

Но дело не в этом, а только в том,
Что отдых необходим,
И без тебя мне и дом не в дом,
И «Беломор» не в дым.

6

(Из проклятого прошлого)

Ни одной я женщины не имел
И не ведал, когда найду.
Это было на озере Селигер
В 35-м году.

Тиховодная гладь, байдарка и прочее,
Впрочем, молодость хуже, чем старость,
А была очень умная лунная ночь,
Но дураку досталась.

Эта ночь сочетала прохладу и зной,
Тишь, безлюдье, в байдарочном ложе я,
И чудесная девушка вместе со мной,
Изумительная, хорошая.

А вокруг никого, кто б меня был сильнеей,
Кто бы девушку мог увести,
И я знал, что очень нравился ей,
Потому что умел грести.

А грести очень я хорошо умел,
Но не ведал, что счастье так просто.
А весло ощутило песчаную мель
И необитаемый остров.

Это ночь не моя, это ночь его,
Того острова, где был привал.
А вокруг никого, а я ничего,
Даже и не поцеловал.

И такие хорошие звезды висят,
Вместе с девушкой на берегу я,
Мне хотелось облапить ее и взять,
Незабвенную, дорогую.

Мне бы лучше не видеть ночью ее,
А ходить одному по болотам,
А вокруг никого, а я ничего —
Вот каким я был идиотом.

Как-то не эдак прошел день,
 Пробыло двенадцать часов.
 Ты сказала: «Жить лень»,—
 И спутала карту слов.

Иные слова сказать норовят,
 Чтоб показаться лучше,
 А я говорю, что сам виноват,
 Если тебе скучно.

Как ты до жизни такой дошла,
 И в первый ли это раз?
 Но я утверждаю, что жизнь хороша
 От ихтиозавров до нас.

Живи со мной и не печалься,
 На все вопросы дам ответ.
 Ты помешать не можешь счастью,
 Которого, к несчастью, нет.

Я веду с тобою разумную речь,
 И за это меня прости,
 Ибо я даже дом твой готов поджечь,
 Чтоб тебя от огня спасти.

У меня вообще необычный путь,
 Все такие пути святы;

Я тебя даже в воду готов толкнуть,
Чтобы вытащить из воды.

10

Дни твои, наверно, прогорели
И тобой, наверно, не осознаны:
Помнишь, в Третьяковской галерее —
Суриков — «Боярыня Морозова»?..

Правильна какая из религий?
И раскол уже воспринят родиной.
Нищий там, и у него вериги,
Он старообрядец и юродивый.

Он аскет. Ему не нужно бабы.
Он некоронованный царь улицы.
Сани прыгают через ухабы, —
Он разут, раздет, но не простудится.

У него горит святая вера.
На костре святой той веры греется
И с остервененьем изувера
Лучше всех двумя перстами крестится.

Что ему церковные реформы,
Если даже цепь вериг не режется?..
Поезда отходят от платформы —
Это ему даже не мерещится!..

На платформе мы. Над нами ночи чернота,
Прежде чем рассвет забрезжит розовый.

У тебя такая ж обреченность,
Как у той боярыни Морозовой.

Милая, хорошая, не надо!
Для чего нужны такие крайности?
Я юродивый Поэтограда,
Я заплачу для оригинальности...

У меня костер нетленной веры,
И на нем сгорают все грехи.
Я поэт неповторимой эры,
Лучше всех пишу свои стихи.

11

Чтобы жизнь не была загадкой,
Мне поверь и не противоречь.
Слово — бог, и поэтому краткой
Быть должна повседневная речь.

Все равно, что ты мне сказала,
Все равно, это все суета...
Все равно, у какого вокзала
Мы простимся с тобой навсегда.

Мы во всем виноваты сами,
Все минует, как дым папирос,
Мы расстанемся недрузьями
Ненадолго и не всерьез.

Все равно оглушен я веками,
Как не признанный веком поэт...
Мы расстанемся не врагами,
А туземцами разных планет!

Так всегда. Я раз сто болею.
Выздоровливаю раз сто.
А по случаю юбилея
Шандарахнем «Абрау Дюрсо».

Так всегда. Не за смерть упрямую.
За любовь мою и твою.
За такую хорошую самую.
За любимую девочку пью!

Так всегда. Как прошли звероящеры,
Мы пройдем, и другие придут.
За такие стихи настоящие,
Что, как кости зверей, не умрут!..

А расскажут про то, как любили мы
И какая была суета...
И смешаются с прочими былями.
Так всегда!

1945—1948 гг.

* * *

Ты, как в окно,
В грядущее глядишь
И все равно
Мужчину победишь.

А он, стерпя
Сто двадцать пять обид,
Потом тебя
Возьмет и победит.

Однако вы
Перехитрите в быте,
И не как львы —
Как кошки, победите!

Потом на нас
Потомки поглядят
И сложат сказ
О том, как победят.

Я снова жду
С тобой желанной встречи;
Но слова ПОБЕЖДУ
Нет в русской речи!

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Темнотою и светом объята
В ночь июля столица Родины.
От Таганки и до Арбата
Расстояние было пройдено.

Очевидно, очередная
В личной жизни ошибка сделана.
Ветер выл, смеясь и рыдая,
Или время было потеряно.

Или так начинается повесть,
Или небо за тучами синее...
Почему ты такая, то есть
Очень добрая и красивая?

Почему под дождем я мокну,
Проходя по пустынным улицам,
В час, когда беспросветным окнам
Непрестанно приходится хмуриться?

Никого нет со мною рядом
На пустынном мосту Москва-реки,
Лишь бросают мне взгляд за взглядом
Электрические фонарики.

Не имею ста тысяч пускай я,
Но к чему эти самые ребусы?
Почему я тебя не ласкаю
В час, когда не идут троллейбусы?

Москворецкие тихие воды
Заключают какую-то заповедь...
Все равно не поймешь ничего ты
Из того, что, наверно, нельзя понять.

Это я изнываю от жажды,
В чем нисколько меня не неволишь ты.
О любви говорили не дважды
И не трижды, а миллионножды!

Мне нужна от тебя не жертва,
А сама ты, хоть замуж выданная.
Если жизнь у меня бессюжетна,
Я стихами сюжета не выдумую!

Эта мысль, хоть других не новее,—
Непреложная самая истина,
Ибо если не станешь моею,
То поэма не будет написана,
А останется только вступление...

Надо быть исключительной душой,
Чтоб такое свершить преступленье
Пред отечественной литературой!

1949 г.

* * *

Не знаю сам, к чему все клонится,
Но я тоскую в эти дни.
Приди ко мне, мою бессонницу,
Как ты сумеешь, разгони.

Приди ко мне, простая женщина,
Зачем зову, не знаю сам.
Мне счастье не было завещано,
И я тебе его не дам.

КОРОЛЕВЕ УТРЕННИХ ЛУЧЕЙ

Испытав сто двадцать пять обид,
Я иду сквозь тьму к великой Нови.
Сильный враг меня не победит,
Слабый друг меня не остановит!
Королева утренних лучей
Улыбается во тьме ночей!

Я не очень правильно иду:
Мной еще не найдена дорога.
И в литературе, и в быту
Мелочей досадных очень много...
Королева утренних лучей
Выше этих нудных мелочей!

Я люблю людей и шар земной;
Никакой такой не жажду бури;
Но победа все-таки за мной,
Как в быту, так и в литературе!
Королева утренних лучей
Постигает смысл моих речей!

1955 г.

ДОЖДЬ

И. М. Л.

Струился дождь неутомимый
По головам и крышам,
Когда я с женщиной любимой
Из дома вышел.

Дождь лился и стекал по стеклам,
Куда ему угодно;
Но женщина под ливнем мокла
Довольно неохотно.

И я сказал:
— Дождь! Не иди!
Ты видишь: я иду!
С любимой я, а не один,
Имей ее в виду!

Поэта дождь послушался
И капать перестал,
Лишь ручейки да лужицы
Омыли тротуар.

Тогда любимая, смеясь,
Спросила вдруг:
— Какая связь
Между дождем и словом? —
И я хотел ответить ей,
Что я, поэт, сильнее дождей...
Но дождь закапал снова.

СВАДЕБНЫЙ ТОСТ

Первые люди, которые жили в пещерах,
Часто женились и свадьбы справляли охотно.
Можно об этом прочесть в популярных брошюрах,
Благо издательства их выдают ежегодно.

Ратные люди Ассирии и Вавилона
Тоже женились, ища после битв утешенья.
Чувственны были зело обнаженные жены
В памятный день вавилонского столпотворенья.

В древнем Египте жрецы одобряли все это,
Благословляла женитьбы богиня Изида.
Лики мужей сохранились в фаюмских портретах,
Мумии жен и мужей возлежали века в пирамидах.

Древние греки на свадьбах резвились как дети,
Мудро сказал Гесиод относительно брачного ложа:
— Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете,
Но ничего не бывает ужасней жены нехорошей.

Гордые римляне тоже любили жениться,
Кубки на свадьбах сияли у них золотые.
Брачные шествия, факелы и колесницы
Средневековая переняла Византия.

Наша Москва — современного мира столица.
Надо, чтоб вечная жизнь лучезарно сверкала.
Русские люди прекрасно умеют жениться,—
За новобрачных, друзья, благородно поднимем

бокалы!

* * *

Говорят, что под старость
Жизнь, как осень, прекрасна.
Если так, то осталась
Ты со мной не напрасно!..

Чтобы стать моей милой
И моей ненаглядной,
Ты отважно вступила
В мир, тебе непонятный.

Женщина, спутница, друг,
Ты сомневаешься в счастье...
Ведая горечь разлук,
Знаешь, что радость не часто...

Пусть не налажен наш быт,
Бедствия преодолимы!..
Так не копи же обид:
Мной ты, как прежде, любима!

* * *

Рассчитывая на успех,
Желая отразить эпоху,
Поэт сложил стихи для всех.
Жена прочла, сказала: — Плохо!

Тогда одной своей жене
Поэт сложил стихи другие.
И оказалось: всей стране
Потребны именно такие!

* * *

Скажи, сказать какие я еще
Могу тебе слова.
Одна любовь всеисцеляюща,
Все остальное трын-трава.

Который раз за то, что спутница,
Скажу тебе, любя:
Пусть будет путь
и будет путаница,
Но я люблю тебя.

1944—1954 гг.

ГОЛОЛЕДИЦА

Сияет Большая Медведица,
Полярная светит звезда...
В России у нас гололедица —
Я думаю, что ото льда!..

Пути и дороги заснежены,
Я сам не по травке иду
И вижу, как милые женщины
Проходят по скользкому льду.

И каждая сто двадцать пятая
На льду поскользнется впотьмах
И молвит, торжественно падая,
Тревожное «ох» или «ах»!..

Прохожий! Кто ты, я не спрашиваю,
По снегу и льду не беги,
А, женщину видя упавшую,
Ей на ноги встать помоги!

* * *

Было очень много неудач,
Срывов, промахов, помех и сплетен..
Все же улыбайся, а не плачь,
Радуйся, что мы живем на свете!

Пусть на нас работают года
На ведущей в бесконечность трассе!..
Ты великолепно молода,
И не старься, никогда не старься!

Отряхни пыль мелочных забот,
Не тони в их повседневной сумме.
Тот, кто глуп и немощен, лишь тот
Льнет к житейскому благоразумью!

Иногда бывает тяжело нам:
Радость и любовь не в изобилии!
Мы устали от упрямых мам,
Тех, что молодость свою забыли!

Ставит много всяческих преград
Трезвое и злое поколенье..
Перед ним не станем на колени,
А достроим свой Поэтоград!

1954 г.

Поэтограф

* * *

Светает. Наступает день. Я
Ложусь в постель, заснуть дабы;
Взметает дым как привиденье
В соседнем доме из трубы.

Он словно дым от папиросы,
Но только издали видней;
Поэзия идет от прозы,
Но возвышается над ней.

* * *

Существует четыре пути.
Первый путь — что-нибудь обойти.
Путь второй — отрицание, ибо
Признается негодным что-либо.
Третий путь — на второй не похож он,
В нем предмет признается хорошим.
И четвертый есть путь — настоящий,
Над пространством путей надстоящий.
В нем предмет помещается в мире.
Всех путей существует четыре.

1942 г.

ВОРОН

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, черный час.

Я спросил его: — Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатства? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда,
Все же буду я любимым? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — Невзгоды часты,
Неудачник я всегда.
Но друзья добьются счастья? —
Он ответил: — Никогда!

И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным НИКОГДА!..

Я спросил: — Какие в Чили
Существуют города? —
Он ответил: — Никогда! —
И его разоблачили!

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия начинается с нового года,
С традиционного поворота
Солнца на лето, зимы на мороз,
Со смеха поэта или со слез.
С восхода, а если надо, с заката:
Поэзия разнообразьем богата!

Поэзия начинается с ледохода,
С первого парохода
И с Дон Кихота,
Которому почему-то охота
Залезать в холодную воду.

Поэзия начинается с новизны,
Когда сочиняются сны весны.
Поэзия начинается со всего
И не пугается ничего.

* * *

Сергею Наровчатову

Ибо наши стихи никогда не умрут,
Наши жизни пройдут, удлинясь.
И тархунного цвета небес изумруд
Существует, должно быть, для нас.

Мы пожизненно в рабстве у сильной строки,
А без этого нам нельзя.
Если даже все люди будут враги,
Как поэты, мы будем друзья.

Ты побывал в огне, в воде
И в медных трубах, но
Майоров где, Кульчицкий где
Сегодня пьют вино?

Для них остановились дни
И солнца луч угас;
Но, если есть тот свет, они
Что думают о нас?

Они поэзию творят
В немыслимой стране.
Они, наверно, говорят
Сегодня обо мне,

Что я остался в стороне
От жизненных побед...
Нет! Нужен я своей стране
Как гений и поэт!

Сегодня мной почти забыт
Наплыв былых забот.
Вчера я был как следопыт,
А нынче как завод.

Я предавался пустякам,
Как будто графоман,
А вот сегодня по стихам
Не выполняю план.

Но я поэт, и я таков,
Что выполню свой долг:
Я сам рабочий у станков
И сам себе парторг!

Встает рассвет. Я вижу дом.
Течет из дома дым.

И я, поэт, пишу о том,
Что буду молодым...

Не молодым поэтом, нет,
Поскольку в наши дни
Понятье «молодой поэт»
Ругательству сродни!..

Мол, если молодой, так он
Валяет дурака,
И как поэт незавершен,
И не поэт пока...

Нет! Просто мир побьет войну
В безбрежности земной,
Тогда я молодость верну,
Утраченную мной!

Пусть я тебя не изумил
И цели не достиг,
Но, как стихи стоят за мир,
Так станет мир за стих!

1951 г.

РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

(Самые важные слова на буквы «Р», «Г».)

Родимые горы —
Родное гнездо.
Расширенные горизонты,
Расщелины глубокие,
Развесистые грабы,
Родники голубоватые,

Резвые газели —
Район Гуниба.
Регулировщица голубоглазая:
Расцеловать горлинку —
Рафинад грызть.

Радостна годовщина
Рождения героя:
Размах грандиозный,
Расход громадный,
Разгул гомерический.
Ритуал гульбы —
Разгон грусти,
Развлечение гостей.
Разодетые горцы —
Рыцари гарцюющие.
Родственники гордятся
Речами громогласными
Репортеров газет.
Ресторан где,
Ретиво гульнем:
Развешаны гобелены,
Разноцветные гирлянды
Роз, гортензий,
Розанов, гиацинтов,
Розовых гвоздик,
Ромашек, георгинов,
Резеды, герани.

Рояль, гитара,
Рапсодия Глюка,
Разлив гамзы.

Ркацители, гурджаани,
Ром гаванский,
Рябчик, гусь,

Ростбиф, гуляш,
Расстеган горячие,
Рыбы, грибы,
Разнообразный гарнир:
Рис, горох,
Рябина, груша,
Редиска, горчица.

Рационально глаголы
Расставил Глазков
Российскому гражданину
Расулу Гамзатову!

* * *

Да здравствуют мои читатели,
Они умны и справедливы:
На словоблудье не растратили
Души прекрасные порывы.

Им не нужны пустые хлопоты,
Не станут грызть медуз в «Пекине» —
Как воробьев большого опыта,
Не проведешь их на мякине!

Принципиально не воинствуют,
Не слышно их в житейском хоре,
Но незатасканная истина
Для них важней победы в споре!

Они уже не телезрители:
Приятней им библиотека.
Они мыслители и жители
Не только нынешнего века!

* * *

*Светлой памяти А. В. Парфенова,
автора повести «Шаги батальона»*

Шаги батальона от боя до боя
Гремят как чеканная медь,
И неугомонно любую судьбою
Вершит окаянная смерть.
Нелепая смерть... Но не так уж нелепо
Погибнуть в тяжелом бою
За чистое небо, за ясное небо,
За крайнюю хату свою!

Совсем не нелепо рвануться в атаку,
Когда подступают враги,
Когда по пригорку, когда по оврагу
Гремят батальона шаги.

Уходят в былое
Шаги батальонов.
Прощаюсь с тобою,
Сашуня Парфенов!
Не в курской траншее —
В районной больнице
Погибнуть страшнее,
Чем с недругом биться!

ЮБИЛЕЙНОЕ

Ярославу Смелякову

Вы помните, мы пили водку
За наши славные дела,
За мысль, за рифму, за находку —
Все это молодость была!..

Теперь мы ощущаем прелесть
В доступных звездах коньяков.
И это зрелость. Это зрелость!
За зрелость выпьем, Смеляков!

О полстолетье говорят,
Что этот юбилей не редок.
Но Вам не просто пятьдесят:
Вам нынче десять пятилеток!

Все эти пятилетки вновь
Сегодня я припоминаю
И чту
 ту
 строгую любовь,
Хотя моя любовь иная...

16 января 1963 г.

КРАТКОСТИШЬЯ

* * *

Шебуршит колючий снег.
В стужу и во мраке
Мерзнет бедный человек —
Лучший друг собаки.

* * *

Крыловская лиса вошла в один
Уральский ювелирный магазин.
Взглянув на цены, повздыхала тут
И заявила: — Зелен изумруд!

* * *

Один всю жизнь хотел выкурить папиросу,
Другие — обладать миром.
А хорошей девушке хотелось просто
Спать со своим милым.

* * *

Так молотом плющат железину,
Так гибель встречают колоссы,
Так женщина смотрит на женщину,
Так палки вставляют в колеса!

* * *

Я увидел на небосклоне
Шестнадцать красных облаков,
Они спасались от погони
И защищались от врагов.

* * *

За то, что Глазков
Ни на что не годен,
Кроме стихов,
Ему надо дать орден.

* * *

Что такое стихи хорошие?
Те, которые непохожие.
Что такое стихи плохие?
Те, которые никакие.

* * *

Краткостишье — это муравей,
Тот, кто абсолютно не силен,
А удельно будет посильней,
Чем поэма — африканский слон.

Кольца зим

Стужа кленов и берез коснется —
Плохо им!
Возникают годовые кольца,
Кольца зим.

Мы зимой о тройках, колокольцах
Говорим,
Но и у людей бывают кольца:
Кольца зим.

Пусть анатом изучает череп,
Челюсть, лоб —
И увидит эти кольца через
Микроскоп.

Пусть и химик изучает кости
И по ним
Установит отложений кольца,
Кольца зим.

* * *

Есть на этом свете счастье?
Я спросил, и мне в ответ
Филин ночью, утром ястреб
Сообщили: — Счастья нет!

— Счастья в мире много очень,
И для счастья мы живем! —
Соловей поведал ночью,
Ласточка сказала днем!

СЛОВО

Слово — мир особый и иной,
Равнозначный названному им.
Если слово стало болтовней,
Это слово сделалось плохим.

Это слово пагубно стихам,
Это слово — дым, который сгнил.
Лучше бы его я не слышал,
Не читал, не знал, не говорил.

РОМАН-КОШ

Есть в Крыму вершина Роман-Кош,
На нее ведут дороги-петли.
Крым объедешь — выше не найдешь,
Только популярнее Ай-Петри.

И поэт у нас не тот хорош,
Кто на самом деле самый лучший!
Малопопулярный Роман-Кош
Вспоминаю я на всякий случай.

* * *

Сапер ошибается только раз.
Поэты или артисты
(Имею в виду только высший класс!)
Три раза, раз тридцать и триста.

Ущерба-убытка от этого нет,
Поскольку они не кассиры.
Бывает и так: ошибется поэт,
И дремлет в ошибке сила!

* * *

Скажу неискренно —
Пройдет бесследно,
А смерть бессмысленна,
А мысль бессмертна!

1940 г.

* * *

Как следует писать стихи?
Есть много правил неплохих
И много дельных указаний
По поводу стихописаний.

Однако, чтоб поэтом быть,
Все это надо позабыть:
В стихах лишь тот себя прославил,
Кто не придерживался правил!

КУРОРТНЫЙ ГОРОД

Курортный город — старая актриса,
Играющая юную красавицу.
Ее талант в дни летние открылся,
Игрой природы зритель восхищается.

Он рукоплещет солнцу,
Морю с пляжем,
Ему милы магнолии и розы.
Он уезжает с сожаленьем, скажем,
Лишь потому, что не дождался осени.

Но местный житель — не приезжий зритель,
Его застанет здесь пора осенняя,
Когда исчезнет ясный блеск в зените
И отцветут роскошные растения.

Все выглядит в курорте по-другому,
Не слышно оживленного веселия.
Роль юной сыграна. Актриса дома,
Морщинистая, старая и серая!

ДОЛГОЖИТЕЛИ

Наде Глазковой

Люди те, что долго жили,—
Это воины во времени,
Вражью силу сокрушили
И в сражениях проверены.
На переднем самом крае
В Дагестане иль в Осетии
Борются, не умирая,
Защищая долголетие.

Женщины или мужчины
Превзошли тебя по возрасту.
Волноваться нет причины,
Если живо это воинство.
Заболел — тебе бесстрашие
Неизменно будет свойственно,
Если жив еще из старших
Хоть один твой близкий родственник.

На опасном самом берегу
Мы о смерти не подумали,
Если старшие коллеги
До сих пор еще не умерли.
Не побиты злою мглой,
Защищают долголетие
Долгожители — герои
Жизни-битвы, не трагедии!

РОВЕСНИЦЕ

У склонов золотого Ала-Тоо,
Лучами золотого Ало-Тоо
Заброшенный в Киргизию судьбою,
Я в солнечной Киргизии с тобою.

Схватил теперь твои черты подробно,
Сложил тебе стихи, что ты подобна
Чудесному бегущему павлину.
Ты вся — как Чу, цветущая долина.

Твои глаза — как в озере вода,
Но Иссык-Куль один, а глаза два,
И для бровей в отметках нету баллов,
Им в параллель беру коней-тулпаров.

Они бегут, иль это только снится,
На берегу, где расцвели ресницы,
А волосы, упавшие на лоб,
Они как изобильный Арстанбоб.

Нога твоя на выси каблуков
Кизил-Кия — отец всех рудников.
И я хочу обнять твои колени,
Как тополей Джелал-Абада тени,

Поцеловать ладони, как джайлоо,
Прохладные джайлоо Ала-Тоо...

А ногти у тебя горят всю ночь,
Подобны солнцу, и луне,
и утренней звезде,
весь день,

1947 г.

ИРОНИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

Если гениальным и великим
Буду признан я официально,
Обо мне тогда напишут книги,
Станет мне отрадно и печально.

Почему отрадно? Вероятно,
Ясно всем, и объяснять не стоит.
Почему печально? Непонятно.
Объяснение самое простое.

Хорошо издать стихотворенья,
Повести, рассказы, репортажи...
Но ведь издадут и заявленья,
Письма, дневники, записки даже!

Все, что скажу, объявят важным,
Для печати самым неотложным —
И в огромном хаосе тиражном
Совместят великое с ничтожным!

РУКИ

Руки разные на белом свете,
И у всех различные названья,
У меня рука — как у медведя,
А у Вас предмет для целованья.

Но своей руки не обменяю
На такую, как у Вас, — красивую.
И своей судьбы не променяю
На такую, как у Вас, — счастливую!

* * *

Не очень трудно обмануть
жену,
друзей,
весь свет.

Обманный путь,
что санный путь,
Оставит легкий след.
Его, наверно, заметет
пороша
или
быт —

И не заметит,
не найдет
прохожий следопыт.

Обманщик свой продолжит путь,
Нисколько не скорбя.
Совсем не трудно обмануть
И самого себя.
Прольется над обманом дождь
Иль вешняя вода —
И сам навеки не найдешь
Забытого следа.
И сам начнешь

искать тот след,
Но в том-то и беда,
Поймешь: чего-то в жизни нет,
Исчезло навсегда!

* * *

Не надо глупости бояться,
Она безвредная пока.
Есть мудрость в глупости паяца,
Веселость — в шутке дурака.

Такая глупость не обманет
Того, кто разумом богат,
И гениальный Пиросмани
Был величаво-глуповат.

Но мудрость ложная схоласта
Навязчива, как пыль степей,—
Она противнее гораздо,
И вредоносней, и глупей!

Не истина — победа в споре
Фальшивой мудрости нужна.
А глупость служит ей опорой —
И только потому вредна!

ЮВЕЛИРУ

Исканья — не рукоплесканья
Сегодня ждут тебя.
Учиться должен ты у камня,
У красок сентября.
У леса, сада, огорода,
У перьев петуха,
У безошибочной природы,
У точного стиха!

Нас редко посещает счастье —
Большое торжество.

Но драгоценный камень часто —
Живое существо.
Сердцебиенье и дыханье
Кристалл в себе сберег.
Как и у дерева, у камня
Есть вдоль и поперек!

Сто сорок навыков имея,
Их временно забудь:
Двухцветный оникс для камен
Укажет верный путь.
Стать мастером разумным скоро —
Твоя святая цель!
Не ведал доброго мотора
Бедняга Пирготель¹!

Любого камушка сиянье
Использовать изволь:
Актер способный в состоянье
Сыграть любую роль!
И песню сочинит, и басню
Действительный поэт —
И не накладывай напрасно
Сам на себя запрет!

Природа камешков бездонна,
Ярчайший этот мир —
И нет плохого халцедона,
Есть тусклый ювелир!

Законы всех искусств едины,
Специфика строга:
Чти камень в роли господина,
Металл — его слуга!

¹ Придворный ювелир Александра Македонского.

* * *

Покуда карты не раскрыты,
Играй в свои миры
И у разбитого корыта
Найдешь конец игры.

И, утомленный неборьбой,
Посмотришь на ландшафт
И станешь пить с самим собой
Стихи на брудершафт.

* * *

Все беды причиняют вред,
Конечно, лучше жить без бед,
Но не всегда, а иногда
Бывает польза от вреда.

Все беды отрицать нельзя:
В них познаются все друзья!
А в дни сплошных удач и благ
Не знаешь сам, кто друг, кто враг!

* * *

— Молчи, семья,—
Сказала стая:
— В тебе семь Я,
Во мне до ста Я!
— До ста, да,
Да стадо!

ДВУСТИШЬЯ

* * *

Иметь и не иметь
Равно уметь и не уметь!

* * *

Но авторство —
Новаторство!

* * *

Все, что описательно,
То необязательно!

* * *

Один: — Учусь
У чувств.

Я: — Учись
У числ!

* * *

Был не от мира Велимир,
Но он открыл мне двери в мир.

* * *

Иногда идешь по победам,
А на самом деле по бедам.

* * *

Я мог бы это доказать,
Но мне не дали досказать!

* * *

Соблюдайте собственную выгоду:
Не мешайте входу и выходу!

* * *

Не всякий знает, что для творчества
Необходимо одиночество!

* * *

У старого быта
Разбиты корыта.

* * *

Тает снег, лежащий на крыше,
Ибо так установлено свыше.

* * *

Заговорили об уже,
А уж уполз уже.

* * *

Пчела сказала, что известка
Изготавливается из воска.

* * *

Один цыпленок славу приобрел
И тотчас заявил, что он орел!

* * *

По таежной тропе не я
Шел к заливу Терпения.

* * *

Где родника журчанье,
Там и зверька урчанье.

* * *

Прост чрезвычайно творческий процесс:
Все лишнее срезает косторез!

БОГАТЫРСКОЕ РАСПУТЬЕ

Было то в степи безлюдья
В день ненастный сентября:
На трехзначное распустье
Вышли три богатыря.
На лежащем сером камне
Указания прочли:
Во степи глухой, бескрайней
Три пути куда вели?

Первым вслух прочел Попович:
— Если двинешься на юг,
То найдешь у моря в полночь
Злата-серебра сундук!

Прочитал Добрыня: — Север —
Край, который всех милей,
Одуреешь от веселья
Там на свадебке своей.

Прочитал Илья: — Коль в гости
Соберешься на восток...—
Дальше череп и две кости,
Ясно все помимо строк.

Как обрел Попович злато,
А Добрынюшка семью,
Мне рассказывать не надо,
Расскажу я про Илью.

Встретил он большое войско,
Шло оно на Русь в поход.
Начал Муромец геройски
Бить заносчивый народ.

Это делал он со вкусом —
От позора и стыда
Разбежалась по улусам
Поредевшая Орда!

В честь одержанной победы
Был тогда устроен пир.
Чувство гордости изведаль
Кто там был, мед-пиво пил.

Не жалел Попович злата:
Возле дуба в три обхвата
Веселились до утра.
И пила с Добрыней Лада
Из литого серебра
Чашу в полтора ведра!

ПОЭТ И ДЬЯВОЛ

— Не считаясь с тем, что говорят,
Ты нуждаешься в насущном хлебе.
Хочешь — и не будет звезд на небе.
Дам тебе за это миллиард.

Все откроются перед тобой пути,
И тебя признает вся страна.

— Отойди
От меня сатана.

1943 г.

БАЛЛАДА

Он вошел в распахнутой шубе,
Какой-то сверток держал.
Зуб его не стоял на зубе,
Незнакомец дрожал.

Потом заговорил отрывисто, быстро,
Рукою по лбу провел,—
Из глаз его посыпались искры
И попадали на ковер.

Ковер загорелся, и струйки огня
Потекли по обоям вверх;
Огонь оконные рамы обнял
И высунулся за дверь.

Незнакомец думал: гореть нам, жить ли?
Решил вопрос в пользу «жить».
Вынул из свертка огнетушитель
И начал пожар тушить.

Когда погасли последние вспышки
Затухающих искр,
Незнакомец сказал, что слишком
Пустился на риск.

Потом добавил: — Теперь мне жарко,
Даже почти хорошо...—
Головой поклонился, ногой пошаркал
И незаметно ушел.

РОМАНТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

По зеленой, красной, синей
Яркой сказочной стране
Одаренный и красивый
Рыцарь ехал на коне.
Разудалый и отважный,
Он скитался по земле
И со Страшной серой башней
Видит замок на скале.

Видит он на замке четко
Монастырские кресты,
В серой башне за решеткой
Девушку своей мечты.
Мыслит юноша бесстрашный,
Умница не по годам:
«Если в бой вступлю со стражей,
То под стражей буду сам!
Лучше будет и разумней
Проявить иную прыть,
Влезть на башню ночью лунной
И решетку распилить!»

Храбрый рыцарь влез на башню,
Распилит решетку всю
И освободил бесстрашно
Ночью девицу-красу.
Прочь от камеры унылой
Ускакал, пока темно...
Милая сказала: — Милый,
Нас изловят все равно!
Чтит царица в Белом доме
Сильный пол и слабый пол.
Всех щадит на свете, кроме
Претенденток на престол.
А меня б вполне устроил

Государственный наш строй,
Только я царице трое-
Родной прихожусь сестрой.

В родовом своем поместье
Храбрый юноша живет,
Со своей любимой вместе
Он не ведает забот.
Говорит она: — Счастливой
Быть с тобой мне суждено,
Но закон несправедливый
Нас настигнет все равно.

А по сказочному царству
В чистом поле и в лесу
Рыщут люди государства,
Ищут девицу-красу.
Тот, кто ищет, тот находит,
Если сведущ он в делах...
Помышляет о свободе
Храбрый рыцарь в кандалах.
И в тюремной колеснице
Провинившихся везут
В Белый дом к императрице
На ее законный суд.

Говорит императрица:
— В замке шляпа комендант!
Комендантом будет рыцарь,
Проявивший свой талант!
В Сером замке, в Страшной башне
Пусть с возлюбленной живет
И любимую отважно
Бережет и стережет!
Крепче, нежели из булата,
Цепь любви!.. — Вот так, друзья.
Тут кончается баллада,
Потому что сказка вся!

ЦЕРЕРА
(Гипотеза)

Жила разумная планета
В былые времена —
И у людей планеты этой
Была одна луна.

Они луною любовались
И голубой волной,
И парни в девушек влюблялись
Под ясною луной.

Так жили и с луной дружили
Планеты той сыны —
И зря использовать решили
Энергию луны.

— Зачем нужна победа бреда? —
Спросил один поэт.—
Погибнуть может вся планета
Через сто тысяч лет!

Однако заглушила свора
Его негромкий глас:
— Сто тысяч лет пройдут не скоро,
Нужна дыханию мотора
Энергия сейчас!

Сто тысяч лет прошли, однако,
Как танки по шоссе,
И зло немедленного блага
Почувствовали все.

Сбылось предчувствие поэта:
Луна упала на планету,
Отправясь в мир иной...
И ничего не уцелело,
А впрочем, вертится Церера,
Сравнимая с луной.

ПОЭТ И РОЯЛЬ

Говорил рояль поэту:
— Я нисколько не шучу.
Над твоим стихом победу
Одержать всегда могу.

Это я тремя ногами
Все поэмы растопчу,
Черно-белыми зубами
Над тобой захохочу!..

Отвечал поэт роялю
В тот решительный момент:
— Сам тебя я презираю,
Бестолковый инструмент!

И в лишенной смысла бездне
Ты, рояль, давно бы сгнил,
Если б текста глупой песни
Я тебе не сочинил!

1950 г.

ЛАПОТЬ

Валялся лапоть на дороге,
Как будто пьяный,
И месяц осветил двурогий
Бугры и ямы.

А лапоть — это символ счастья,
А счастье мимо
Проходит, ибо счастье с честью
Несовместимо.

В пространстве, где валялся лапоть,
Бродил с гитарой
НН, любивший девок лапоть,
Развратник старый.

НН любил читать Баркова
И девок лапоть,
И как железная подкова
Валялся лапоть.

И как соломенная крыша,
И листья в осень...
То шел бродяга из Парижа
И лапоть бросил.

Под ним земные были недра,
Он шел из плена.
Бродяга был заклятый недруг
Того НН-а.

Была весна, и пели птички.
НН стал шарить
В карманах, где лежали спички,
Чтоб лапоть жарить.

И вспыхнул лапоть во мраке вечера.
Подобно вольтовой дуге.
Горел тот лапоть и отсвечивал
На всем пространстве вдалеке.

Какой-то придорожный камень
Швырнув ногой,
Бродяга вдруг пошел на пламень,
То есть огонь.

А лапоть, став огня основой,
Сгорел, как Рим.
Тогда схватил бродяга новый
Кленовый клин.

Непостижимо и мгновенно,
Секунды в две,
Ударил клином он НН-а
По голове.

Бить — способ старый, но не новый
По головам,
И раскололся клин кленовый
Напополам.

Тогда пошел НН в атаку
На смертный бой

И начал ударять бродягу
Он головой.

Все в этом мире спор да битва,
Вражда да ложь.
НН зачем-то вынул бритву,
Бродяга — нож.

Они зарезали друг друга,
Ну а потом
Они пожмут друг другу руку
На свете том.

Поскачут также на конях,
Вдвоем, не врозь,
И вместе станут пить коньяк
Небесных звезд.

ЕМЕЛЯ

(Из детских воспоминаний)

Снега растаяли в апреле,
На север отступили валенки —
Бедняк воинственный Емеля
Торчал на солнечной завалинке.
Шел мужичок — у мужичка
Емеля клянчил табачка,
Сворачивал себе сигарку,
Емеле времени не жалко.

Вещал: — От праведных трудов
Не будет каменных домов.—
Емеле возражали бабы:
— А ты б у собственной избы
Давно прогнившие столбы
Сменил на новые хотя бы!

— Сменить столбы давно бы мог,
Кабы всурьез не занемог,—
Ответствовал Емеля.—
Ксплотатор на моем хребте
Поездил вволю в годы те,
Хожу я еле-еле!

— Емелюшка, подумай прежде,
Чем говорить одно и то ж.
Кто на тебе захочет ездить?
Ты никуда не довезешь!

— Не довезу. А был когда-то
Резвее резвого коня!
С того ослаб, что тот ксплотатор
Все соки выжал из меня!

— Нет! — возразила тетя Поля.—
С тобою я училась в школе,
Эксплуататор ни при чем.
Всегда ты отличался ленью,
Не знал таблицу умноженья,
Единой книжки не прочел!

— Да, к чтению не имел влеченья,
Тогда мне было не до чтения,
Учился я на медный грош,
Не знал совсем обеспеченья,
Жил без пирожных, без печенья,
Бывало, хлеб один жуешь!

— И мы, Емеля-пустомеля,
Не больше твоего имели,
Кутить не ездили в Москву!
— Тогда подайте мне краюшку,
Да молочка налейте кружку,
Да кружку хлебного кваску!

Вот так и жил Емеля праздно,
Кто знает, может быть, напрасно,
Хлеб клянчил, квас и самосад.
Зимой, в году двадцать девятом,
В своем домишке небогатом
Емеля помер, говорят.

ЧУЧУНА

(Якутская легенда)

Рысь, конечно, страшна,
Трудно справиться с ней,
Но в тайге чучуна
Всех зверей пострашней!

Человек этот дик,
И свиреп, и жесток,
Наш язык не постиг:
Не хотел иль не смог.

Носит шкуры оленье
И имеет он лук.
Исчезает мгновенно,
Появляется вдруг.

Он в движениях быстр,
Он проворен и смел,
Издает резкий свист,
Сходный с посвистом стрел.

Страшен согнутый лук,
Тетива — как струна,
Звери делают крюк,
Коль свистит чучуна!

По деревьям, как белка,
Ловко прыгает он,

И в разбойных проделках
Искушен и смышлен.

Над селом тишина.
Предрассветная ночь.

Входит в дом чучуна,
Он до женщин охоч.

Спит в постели жена,
Чья-то мать, чья-то дочь,
К ней идет чучуна,
Он до женщин охоч.

Он берет ее спящую
И уносит туда,
Где таежные чащи,
Иногда навсегда!

БАЛЛАДА О ПРОМЕТЕЕ

В Москве-столице проживал,
Могучий духом, телом,
Сограждан очень уважал
И звался Прометеем.
Людей он искренно любил
За удаль и отвагу.
Не чай и кофе с ними пил,
А огненную влагу.

Друзья шутили, веселясь:
— Наш друг небезыдеен,
Нам в добрый час огня припас,
На то и Прометей он!
И в Новый год, и в Первомай
Друг радостных затей он,
Зовет на соль и каравай,
На то и Прометей он!

Но — болен Прометей всерьез —
Друзья делились горем.
— Должно быть, печени цирроз! —
Врачи решили хором.
Отвагой славен Прометей,
Лечиться не боится.
По заключению врачей
Ложится он в больницу.

Врач Зевс зовет врача Орла,
Консилиум усилия:
— Картина ясной чтоб была,
Нужна нам биопсия! —

Врачебный приговор жесток,
Навязчива идея,
И вырвал печени кусок
Орел у Прометея.

Потом нависла над больным
Смертельная угроза.
Не ясно, что творится с ним,
Но не было цирроза!
Не шевелит больной ногой,
Лишь говорит: — И где я? —
А люди чувствуют огонь
И пьют за Прометея!

1979 г.

КРАТКОСТИШЬЯ

* * *

Ежели посеешь рожь,
Будут деньги у тебя,
Ежели посеешь грош,
То не вырастить рубля.

* * *

Я буду понят и не понят
Под небом солнца и луны;
Но я изобрету умометр
И буду измерять умы.

* * *

Увидя телеграфные столбы,
Один балбес решил, что это лес,
И начал возле них собирать грибы.
То был цивилизованный балбес!

* * *

Зачем нужны стихи? Кому какая польза
От ритма, рифм и прочих пустяков?
А вы попробуйте запомнить столько прозы,
Сколько на память знаете стихов!

* * *

Я лучше, чем Наполеон и Цезарь,
И эту истину признать пора:
Я никого на свете не зарезал,
Напротив, резали меня редактора!

Стихазия

Осколки мозаично-фрагментарных поэм

Мало кто знает, что в начале фильма «Андрей Рублев» летающего мужика, разбившегося о неумолимо притянувшую его родную землю, играл замечательный, самобытный поэт — Николай Глазков. Теперь родная земля приняла его в себя уже не в фильме, а в реальности.

У Н. Глазкова вышло 13 книг, он напечатал 46 тысяч строк переводов с разных языков. Однако широкому читателю почти неизвестны его юношеские экспериментальные стихи, без которых Глазков почти непредставим, — в их числе написанная перед самой войной юношеская поэма «Поэтоград». По собственному определению автора, поэма «мозаично-фрагментарная». Но в поэзии драгоценны и фрагменты, если на них лежит отблеск подлинного дарования. Эта поэма была, по свидетельству М. Луконина, Б. Слуцкого и других товарищей Глазкова, событием в коридорах Литинститута и ИФЛИ того времени. Строчки из нее запоминались сразу и блуждали из уст в уста в студенческой Москве, уже предчувствовавшей приближение второй мировой войны. Строки этой поэмы увозили на фронт в своей памяти Кульчицкий, Майоров, Коган... Поэма эта перед ехидным, заранее иронически настроенным читателем беззащитна. Во-первых, автора легко обвинить в самомнении: «И я, поэт Глазков, не принимаю людей, не принимающих меня...» Или: «Не признан я бездарными, такими, которые боятся, как огня, непризнанных...», «Я исключен, как исключенье, во имя их дурацких правил...» Но не забудем, что эти строки написаны юношей, а под внешним самомнением часто скрывается неуверенность, застенчивость. Таким был и Глазков. Можно легко упрекнуть поэта в преувеличении вакхических мотивов: «В Поэтограде также вот работает винопровод». Но Пастернак в вольном переводе Леонидзе точно сказал когда-то: «Не разлучайте песен с веком, который их сложил и пел». Нельзя отделить эту поэму от возраста автора, который писал ее, от студенческого буйства, которое было свойственно тогдашней литера-

турной среде. По иным рациональным меркам и лицейские стихи Пушкина печатать не стоит... Но не будем ориентироваться на неблагожелательных читателей — их, слава богу, меньшинство. Надеюсь, что читатели благожелательные увидят в этой ранней поэме Глазкова главное: его преданность, беспредельную преданность поэзии, его надежду на то, что когда-нибудь и его стихи сослужат добрую службу людям. Если говорить о профессиональном мастерстве юного Глазкова, то у него в этой поэме есть поразительная свобода, раскрепощенность мышления и формы. Поэма пересыпана незабываемыми афоризмами, ее ритмические переходы естественны, пластичны. Следует сказать и то, что Глазков еще до начала войны сумел пророчески сказать о ее конце, о неотвратимости нашей победы уже в прошедшем времени, как будто эта победа уже состоялась в его сознании: «Потом война была убита, и труп ее валялся в мире».

«Поэтоград» Глазкова — неотъемлемый фрагмент истории нашей поэзии. Глазков прав был, сказав: «Тяжела ты, шапка Мономаха,— без тебя, однако, тяжелей». В его жизни многое не свершилось, как того он хотел, но в его далеко не равноценном наследии есть те строки, которые навсегда останутся в памяти тех, кто любит русскую поэзию.

Евг. Евтушенко

ПОЭТОГРАД

(мозаично-фрагментарная поэма)

1

У молодости на заре
Стихом владели мы искусно,
Поскольку были мы за ре-
волюционное искусство.

Я лез на дерево судьбы
По веткам мыслей и поступков.
Против меня были рабы
Буржуазных предрассудков.

От их учебы и возни
Уйти, найти свое ученье...
Вот так возник небывализм,
Литературное течение.

А счастья нет, есть только мысль,
Которая всему итог.
И если ты поэт, стремись
К зарифмованью сильных строк.

И вероятно, что тогда
Я сильных строк сложил немало;
Но педагогская среда
Моих стихов не понимала.

Оставить должен был ученье,
Хотя и так его оставил.
Я исключен, как исключенье,
Во имя их дурацких правил!

Итак, плохи мои дела,
Когда учебы карта бита.
Но Рита у меня была,
Рита, Рита, Рита...

Студенты хуже школьников
Готовились к зачетам,
А мы все ночь в Сокольниках...
Зачеты нам за чертом?

Зимой метель как мельница,
А летом тишь да гладь.
Конечно, разумеется,
Впрочем, надо полагать...

Все было просто и легко,
Когда плескалась водки масса.
От нас то время далеко,
Как от Земли до Марса.

В то время не был домовой
Прописан в книге домовой,
Сидел в трубе он дымовой
И слушал ветра вой...

Потом
День отошел позавчерашний.
Мне мило улыбался дом,
И каменный, и трехэтажный.

Его ломать не надо при
Реконструкции столицы,
Хоть этажей в нем только три,
Но шесть, когда в глазах двоится.

Безынститутье как пробел,
И должен отыгаться я...

Тогда Асеев, как Флобер,
Мне дал рекомендацию.

Литературный институт!
Его не посещаю разве я?..
А годы бурные идут,
Огромные, как Азия.

Сразится Азия со всеми
Под предводительством Москвы,
И в день весенний и осенний
Войска пойдут через мосты.

Произойдет такая битва,
Когда решится ИЛИ — ИЛИ?
Потом война была убита,
И труп ее валялся в мире...

Я почему-то в это верю:
Настанут лучшие года.
Шумят зеленые деревья,
Течет студеная вода.

Вода срывается с вершин
И устремляется в кувшин.
В Поэтограде так же вот
Работает винопровод!

2

Хотя играл огнями город,
Но ночь темна, снег бел и светел.
Она спросила: — Вам не холодно? —
Была зима. Шатался ветер.

Была зима. Я поднял ворот.
Но мог бы спрятаться за доски.
Она сказала: — Вам не холодно? —
А было холодно чертовски.

3

Раскрывает — ну и пусть —
Пропасть пасть;
Но поэту там, где Русь,
Не пропасть.

Там, где Волга и Москва,
В бездне, в ней,
Где берутся нарасхват
Песни дней.

Где огромный трудный путь
Каменист;
Но придешь когда-нибудь
В коммунизм!

Но придешь, а это факт,
Только здесь,
А заклятый всякий враг
Всюду есть.

Он под грохоты побед
Выбрал тишь.
Только ты его, поэт,
Победишь!..

Победишь ты или нет,
Подождем.
А пока что ты, поэт,
Побежден!

В силу установленных привычек
Я играю сыгранную роль:
Прометей — изобретатель спичек,
А отнюдь не спичечный король.

Прометей — не генерал, а гений...
Но к фортунам и иным дарам
По дороге признанной и древней
Мы идем, взбираясь по горам.

Даже если есть стезя иная,
О фортунам и иных дарах
То и дело нам напоминает
Кошелек, набитый как дурак!

У него в руках искусства залежь,
Радость жизни, вечная весна...

А восторжествует новизна лишь,
Неосознанная новизна!

Славен, кто выламывает двери
И сквозь них врывается в миры,
Кто силен, умен и откровенен,
Любит труд, искусство и пиры.

А не тот, кто жизнь ведет монаха,
У кого одна и та же лень...

Тяжела ты, шапка Мономаха,
Без тебя, однако, тяжелей!

Повседневно-будничная праздность
Невозможным сделала успех.

В результате появилась разность
Всех МОГЛИ и УПУСТИЛИ всех.

И тогда, упрямы, как решенье,
Может быть, самих себя рабы,
Испугались мы не пораженья,
А того, что не было борьбы!

5

С женщиной какой-нибудь такой,
Очень замечательно хорошей,
Хорошо, обняв ее рукой,
Целу ночь лежать на ложе.

Звездами заерзается высь,
И, постигнув неба откровенье,
Ты воскликнешь: — О, остановись! —
Но не остановится мгновенье!

6

Когда я шел и думал: ИЛИ — ИЛИ,
Глухонемые шли со мною рядом,
Глухонемые шли и говорили,
А я не знал, я рад или не рад им.

Один из них читал стихи руками,
А два других руками их ругали;
Но, как глухонемой глухонемых,
Я не способен был услышать их.

Вот так вокруг бушует жизнь иная,
А может быть, не жизнь, а болтовня,
И я, поэт Глазков, не принимаю
Людей, не принимающих меня.

Непризнан я бездарными, такими,
Которые боятся, как огня,
Непризнанных. Им нужно только имя;
Но именно имени нет у меня!

Пусть пламя опирается на уголь
И старый отменяется режим,
Они всегда бряцают лженаукой,
Ну а искусство ненавистно им!

Всем смелым начинаньям человека
Они дают отпор.
Так бюрократы каменного века
Встречали первый бронзовый топор!

7

Мудрецы и поэты чудят и чудили.
Чудотворцы они, как на них ни смотри.
И, не ставя во грош дважды два — четыре,
Приближаются к формуле: дважды два — три.

Но таких человек не много в мире,
Большинству их заумных идей не понять.
Большинство, переоценивая дважды два — четыре,
Приближаются к формуле: дважды два — пять!

8

Ночь Евья,
Ночь Адамья.
Кочевья
Не отдам я.

Табун пасем.
Пасем.
Табу
На всем!

Люди едут, бегут авто,
И не знаю я, почему
Все, что делаю я, не то:
И не то, и не путь к тому.

Если карты, то будут биты,
Если шахматы — будет мат.
Пусть к победам пути закрыты,
Я нисколько не виноват!

Всю поэзию довели
До сведенья на нет враги ее.
А велик ли поэт? Да, велик:
У него ошибки великие!

Он, к высотам любым бредя,
Чтоб спуститься к любым глубинам,
Мог бродить по любым путям;
Но любил бродить по любимым!

Ошибался он... Ну и пусть!
Все равно зацветет миндаль.
Уведет непутевый путь
По звезде путеводной в даль.

Будет что через двести лет,
Бог весть.
Бог весть.
Но сегодня на вкус и на цвет
Товарищи есть!

Мы увидим алмазы небес,
Бриллианты высот;

Но сегодня силен бес:
Людьми, что вениками, трясет!

И они ошибаться боятся.
Но писатели не кассиры!
Не мешайте им ошибаться,
Потому что в ошибках сила!

Мне доро́га моя дорога́,
Не устану по ней бродить.
Нету в мире такого врага,
Чтоб друзья не могли победить!

А пока мы не в Поэтограде,
И проиграна наша игра.
Вы наденете платье
Цвета черного бутылочного стекла.

Это сволочи Вас заманили
В логово их мелочей.
Вы за меня или
За сволочей?

Приходите ко мне. Занавесим окна
(для рифмы) шторой
И станем пить
За такую дружбу, меж нами которой
Нет и не может быть!

За такую дружбу, где тайн нет,
Чтобы было нам хорошо...
Славлю время, которое настанет,
А не то, которое прошло!

Путь-дорога
Без итога
Хвалится длиной.
Скоро вечер,
Он не вечен,
Ибо под луной.

Или прямо, или криво,
Или наугад
Все пути ведут не к Риму,
А в Позтоград!

1940 — 1941 гг.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ГОДЫ

Часть первая

1941

1

Был легкомыслен и юн я.
Сбило меня с путей
22 июня,
Очень недобрый день.

Жизнь захлебнулась в событиях,
Общих для всей страны
И никогда не забыть их,
Первых минут войны.

2

Никто не мог сказать заранее,
Что потечет назло векам
История страны Германии
От штурмеров к штурмовикам.

Остервенелые убийцы
Несут пожарища и виселицы;
Но люди будут веселиться —
И в этом высшая бессмыслица!

Мне про войну красноречиво
Сказал Кульчицкий, друг-поэт:
— Пить будем мюнхенское пиво;
Война продлится десять лет!

Хотя ругаться и не надо,
Но все прощается в бою.

Кидая в танк свою гранату,
Боец сказал: — Растанк твою!

На суше, в воздухе и на море,
Где корабли идут ко дну,
Ведет великая страна моя
Отечественную войну.

Моей России дан недаром
Громить врага священный дар,
И сокрушительным ударом
Она ответит за удар!

Гитлер убьет самого себя,
Явятся дни ины,
Будет 9 сентября
Последней датой войны!

3

Когда грузил баржу, немало
Тяжелых бревен перенес,
Сама вода напоминала
Стволы развернутых берез.

И мир во всем многообразии
Вставал, ликуя и скорбя звеня,
Над Волгой Чкалова, и Разина,
И Хлебникова, и меня!

4

Народ моего поколения
Охвачен великой войной,
И море ему по колено,
Болото ему с головой.

Невзгоды над ним повисли,
И не улыбалась заря,
А лучшие чувства и мысли
Сегодня теряются зря.

Все чувства, и мысли, и страсти,
Пусть они будут верны
Такому огромному счастью,
Которое после войны.
Огромное счастье далеко,
И мне не дается оно.
Моя удачная дорога
Меня привела в районы.

Опять простирается к хатам
Закат непомерной длины.
Встает луна над закатом,
Как будто закат от луны.

5

Живу в деревне, и в глуши,
И в ссылке, и в изгнании,
И той деревне не нужны
Мои стихи и знания,
Которых путь не очень ровен:
Не приведет меня в рай он.
Я, как покойник, замурован
В черным-Чернухинский район.

А ты иди среди пожарниц
В неотвоеванную даль.
Мой современник и товарищ
Иди и запад побеждай!

И в воду, и в огонь иди,
Чтоб не скончался путь,
Чтобы в спасенном городе
Сказать чего-нибудь.
Он был в огне и в холоде,
Но в результате битв
В освобожденном городе
Товарищ говорит:

— Мы будем в Полтаве и в Крыму,
Под Киевом будем мы биться.
Чуден Днепр, когда по нему
Плывут убитые фрицы!

И жить будем, и гулять будем
На земле, что временно немцу отданá,
А смерть придет...
Да не придет она!

6

Тем, кто пройдет леса и горы,
Конечно, будет веселей,
А я неполной средней школы
Стал педагогом во селе.

Самому себе ни к чему отвечать,
Отвечаю, ответить чтобы,
Никого не хочу ничему поучать,
Никакой не хочу учебы.

И в селе ничего не хочу изменять.
Все равно ничего не получится,
Ибо умный научится и без меня,
А дурак ничему не научится.

Часть вторая

1944

1

Пусть ложная скромность сказать не велит,
Мы всё говорить вольны.
Я не был на фронте, но я инвалид
Отечественной войны.

Печальнее мне не придумать итога...
Что толку, что стал я умней?
За эти три года моя дорога
В тупик зашла и на мель.

Но мель не мель, и тупик не тупик,
И есть для меня места,
И голову не размозжу о бык
Какого-нибудь моста.

И сколько бы ни было всех тех ран,
Дороги мои верны...
Я не был на фронте, но я ветеран
Отечественной войны!

2

Что было, то было, а было эдак:
В столицу Москва езда.
Медленнее, чем мне надо, едут
Товарные поезда.

А впереди по пути леса, и леса,
И опять... снега.
Я на тамбуре замерзаю,
Пропадает моя нога.

Без сна и без отдыха несколько дней я...
Была бы лучше весна...
А на полустанках еще холоднее
Без отдыха и без сна.

И бесполезно на что-нибудь злиться:
Тому труднее, кто гонит немца;
Однако лишь в том вагоне счастливы,
В котором печка имеется...

В котором начальник дымит дым-дымой,
Ему говорят: — Хлеба, водки не надо ли?
Только пусти нас, отец родимый! —
А отец посылает к той самой матери...

Начальник вообще воплощенная честность:
Кто-то вынимает бумажник потрепанный:
— Не желаешь ли денег, родимый отец наш? —
А отец и бумажник к матери...

Однако к теплу неизведанный путь есть.
Я все что угодно готов упростить,
— За пятьдесят анекдотов пустишь? —
И мне отвечают: — Придется пустить!

И поезд сразу прибавил ходу,
И снега для меня что трава.
От анекдота и к анекдоту
Веду я свои слова.

Приехал — в метро устремился с вокзала,
Оттуда в заброшенный дом.
Когда я приехал, Москва мне сказала:
— Ты мог бы приехать потом!..

У меня квартира умерла,
Запылились комнаты и кресла...
Появились если бы дрова,
Моментально бы она воскресла.

Можно жить в квартире хорошо,
Но, конечно, не сейчас, а после:
Я стихи пишу карандашом,
А чернила взяли да замерзли.

Можно забыть на вокзале зал
И тысячи прочих комнат;
Но квартиру, в которой замерзал,
На экваторе приятно вспомнить.

На экваторе, под небом иным,
Через много лет, а пока
Я курю, и в небо уходит дым,
Потому что нет потолка!

Когда я потерпел аварию
И испытал все беды,
То филантропы мне давали...
Хорошие... советы.

Но в апреле, когда начал таять снег,
Когда дни наступили весенние,
Отыскался на свете один человек,
Помогавший мне больше, чем все они!

Этот друг ежедневно мне жизнь спасал,
Никакой не прося награды;
Но и этот товарищ, который я сам,
Не сумел мне помочь, как мне надо!

Почему до сих пор сам себе я спецкор,
Но как автор не принят строною?
Может быть, потому, что ненужным стал спор,
Не законченный перед войною.

До войны была стихотворная техника,
Классические и лэфовские традиции,
А после войны это все для потех
Никак не годится.

Война все искусства в архив позапрятала;
Но стихи, они от строки до строки
Существуют помимо воли автора,
А может быть, даже и вопреки!

4

Лез всю жизнь в богатыри да в гении,
Небывалые стихи творя.
Я без бочки Диогена диогеннее:
Сам себя нашел без фонаря.

Знаю: души всех людей в ушибах,
Не хватает хлеба и вина.
Даже я отрекся от ошибок —
Вот какие нынче времена.

Знаю я, что ничего нет должного...
Что стихи? В стихах одни слова.
Мне бы кисть великого художника:
Карточки тогда бы рисовал.

Карточки на рынке стоят дорого.
Век двадцатый — век необычайный.
Чем столетье лучше для историка,
Тем для современника печальней!

А вот и чайник закипел,
 Эмалированный, сиреневый,
 И он отвлек меня от дел,
 И он напомнил мне сирены вой.

Совсем недавно это было:
 Во тьме ночей необычайных
 Сирена выла, выла, выла...
 И не напоминала чайник!

Знаю я, что скоро корни
 Пустит вглубь олива мира.
 Смотрят люди с колокольни,
 Той, которая квартира.

Хороши пути окольные,
 Да по ним идти три года.
 Смотрят люди с колокольни,
 Той, которая работа.

Впрочем, люди беспокойны:
 Не у всех ума палата.
 Смотрят люди с колокольни,
 Той, которая зарплата.

Я в комнате смотрю на раму
 И потемневшее стекло.
 Вдруг возникает панорама,
 И ослепительно светло.

Пусть холодно и ветер дует,
 Столица Родины Москва

Салютует
Доблестным войскам.

Раздаются могучие залпы,
Воздавая героям хвалу.
Если фронт устремился на запад,
Не беда, что мне трудно в тылу!

В эти дни всех гуманнее
Неустанное слово «вперед!»...
Близок день: протаранит Германию
Гениальный советский народ!

Э п и л о г

1

Современная война
Отгремела в городах
И меня толкнула на
Размышленья о годах.

Тех, которые ушли
Ото всех,
Тех, которые прошли
Без утех.

Тех, которые
Бога бред.
Я писал историю
Этих лет.

Счастлив, кто врага разит,
Совсем не старашась контратак.
От ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ
До БЫЛ РАЗБИТ ВРАГ
Легла пятилетка войны.
Ее за четыре года
Выполнили сыны
Трудового народа!
Победа как никогда близка:
Даже время не кажется длинным.
Наши доблестные войска
Встали в очередь за Берлином!

СОРОК СКВЕРНЫЙ ГОД

Дорога далека

1

Помню день недобрый объявленья
Немцем не объявленной войны,
И висели всюду объявленья...
Закричали про войну они.

Точно так же радио играло,
Было много всяческих людей...
Танки шли весь день и утром рано.
Я сказал тогда: — Недобрый день.

2

Торчат от радуги концы,
Как пара дуг, как пара хорд,
И вот на пристани Ловцы
Остановился пароход.

Ловцы чего? А счастья нет.
Правы и те и эти;
Подобно теням на стене
Проходит все на свете.

3

Отчасти сходна жизнь моя
С плывущей по воде иголкой.
И горькуировался я:
Эвакуировался в Горький.

И как вода, осенний день, теки;
Грузить баржу пришли студентики
От всепредметных кабинетов.
Дров было тысяча кубометров.

Но все случается над Волгой,
И вот, со злости и от зла,
Бомбили немцы город Горький
В ноябрь 4-го числа.

Как будто огненные нитки,
Шли пули красною чертой,
Зазря бабахали зенитки,
Не попадая ни во что.

Летели самолеты в дали,
И немцы, горе-мастаки,
Бомбили, но не попадали
В великолепный мост Оки.

Итак, они бомбили воду,
И бомбы падали, тоня;
Но зарево автозавода
Уже слилось с закатом дня.

Все то прошло легко и быстро,
Но не забудется оно:
Страх, горечь, злоба, любопытство
Смешались и слились в одно.

Трамваев не было в помине.
Мы шли пешком. Хотелось мне
Позаменить дома в Берлине
Развалинами из камней.

А между тем, когда темнело
И надвигалась ночь как бред,
Мы, как один, бросали дело
И уходили на обед.

Никогда не надо повторяться,
Никогда не надо возвращаться,
Никогда не надо догонять,
Никогда не надо ждать.

Однако жду и час и два я,
Хотя жданье трудней, чем труд.
Официантки — как трамваи:
Когда их ждут, то не идут.

5

И этот год, который голодал,
Теперь я называю Сорок скверным,
Ну а стихи по разным городам
Я рассылал друзьям, хорошим, верным.

А письма шли, как всё тогда, не скоро,
Но находили горьковский мой адрес.
Стихи полузабытого Глазкова
Читались, почитались, не печатались.

6

Судьба судьбы командует судьбою,
Неповиновенья не терпя.
Ты можешь пропадать — и черт с тобою,
Твоей судьбе теперь не до тебя.

Ей очень холодно, дрожишь, дружище,
А тут еще бессмысленный обед ищи,

Но на войну поехать не решишься
И от войны не убежишь в убежище.

Из-за патриотизма и азарта,
За то, что путь России неперестан,
Я полюбил Россию послезавтра,
Которая всех лучше будет стран.

7

Был снег, и дождь, и снег с дождем,
И ветер выл в трубе.
От армии освобожден
Я по статье 3-б.

Вздымался над закатом дым,
И было — как пожар,
А я все шел ко всем святым
И не соображал.

8

Зачем вся жизнь моя игра —
Я это не кумекаю.
Я видел сон: река текла,
Глубокая, но мелкая.

Тогда поплыл я по волне,
Но не пловец, а странник,
И чудный берег плыл ко мне
В каких-то белых зданьях.

Он плыл, до дна его пока
Я не достал руками,
И тут закончилась река
И началась другая.

Я стал ее переплывать,
Однако сон пришлось прервать.

Проснулся я. Была весна.
Вода как таковая;
И я отыскивал для сна
У Волги толкованье.

Одна река суть — я поэт,
Судьба моя такая,
Другой реки пока что нет,
Но будет и другая.

Погибну ль средь ее воды ли я?
Подлунный мир хоть стар, да нов.
Среди воды торчит флотилия
Полузатопленных домов...

9

Многое кажется глупым.
Очереди за булкой.
Царствие нищих духом.
Мы промышляем курнуть.

Огнеупорные губы
Курят окурок окурка,
Чтобы не верилось слухам
И разлетучилась нудь.

10

Я не боюсь души растрат,
Хоть знаю — это хлам;
Но хорошо, что Герострат
Спалил Дианий храм.

И хорошо, что солнце жжет,
А стих предельно сжат,
И хорошо, что колос желт
Накануне жатв.

И хорошо, что будет хлеб,
Когда его сберут,
И хорошо, что были нэп,
И Вавилон, и Брут.

Да славятся мои друзья,
Я ибо их поэт,
Иные знамя водрузят
Над полюсом побед.

Иные сгинут просто так,
Но вспомню и о них,
Чтоб всех их обессмертить как
Героев книг моих.

Пусть не печатают того,
Кто прозу дней затмил,
Материков и островов
Я завоюю мир.

Пусть сам себе калечил жизнь,
Валяя дурака;
От моря лжи до поля ржи
Дорога далека.

Вся жизнь моя такое что,
В какой тупик зашла?
Она не то, не то, не то,
Чем быть должна.

Жаль дней, которые минут,
Бесследьем разозля,

И гибнут тысячи минут
Который раз зазря.

Жду, как дурак, отрадну весть,
Которую-нибудь,
И время, лучшее, что есть,
Расходую на путь.

На небе громоздятся там
Для снега облака,
А я иду по всем местам,
Дорога далека.

Не знаю как — наверно, так
Идет путевый тракт:
Леса похожи на спектакль,
А поле на антракт.

А телеграфные столбы
Идут куда-то вдаль,
Прошедшее жалеть стал бы,
Да ничего не жаль.

Я к цели не пришел еще,
Идти надо века:
Дорога — это хорошо,
Дорога далека.

1941 — 1942 гг.

РАСПУТИЦА

(по глазковским местам)

Наш прошлый и непошлый опыт
Воспоминаньями богат —
И потому потомки могут
Отметить улицу Арбат.

Арбат горбат. Еще не скоро,
Припоминая нашу старь,
Проспектом назовут Глазкова,
Быть может, эту магистраль.

По улице дул ветер резкий,
Ероша волосы висков,
И от Арбатской до Смоленской
По ней бродил поэт Глазков.

Был этот ветер резок адски,
В пустынных трубах завывал,
И от Смоленской до Арбатской
Бродил Глазков, не унывал.

А бездна звездная бездонна,
И мир покрыт всемирной тьмой,
И уходил Глазков из дома,
И приходил Глазков домой.

Был дом Глазкова трехэтажный,
Недолговечный для веков.
Какой был дом, совсем неважно,
А важно, что там жил Глазков.

Он дома жил, но он из дома,
Как только наступала тьма,

Уходил к своим знакомым
В разнообразные дома.

Глазков шатался по глазковским
Очаровательным местам,
И кто бывал в Спасопесковском,
Его, наверно, видел там.

Там небывалое бывало
Назло бывалой суете.

А по Никитскому бульвару
Был дом, скончался Гоголь где.

Там Яхонтов во время оно
Читал стихи подряд раз сто,
И было внетрадиционно
Его большое мастерство.

Он был подвижник. Смерть нелепо
Взяла, с собою унеся;
Но все равно — бросаться в небо
Так нельзя.

А возле стен и возле башен,
Возле Каменного моста
В переулке во Лебяжьем
Жил Саша Межиров, мастак.

То есть поэт, которых редко
Встречал в быту, которых нет,
И если б ставились отметки
За поэтичность, как поэт
Имел бы Межиров отлично,
Был у него особый мир,
И было очень поэтично
Все, что он делал или говорил.

А в Колобовском переулке
Творил стихи и проживал
Долгин — поэт Огромной дудки,
С душой огромной, как пожар.

Мы были с ним друзья-приятели.
Из всех друзей лишь он
Поэтического восприятия
Мира вовсе был лишен.

В этом, стихи тому порука,
Которых слава не замрет,
Его великая заслуга,
А вовсе не наоборот.

Тряхнуть приятно стариною,
Увидеть мир в табачном дыме
И вспомнить мир перед войною,
Когда мы были молодыми.

Тянулись к девочкам красивым
И в них влюблялись просто так,
А прочий мир торчал как символ,
Хорошенький, как Пастернак.

А рядом мир литинститутский,
Где люди прыгали из окон
И где котировались Слуцкий,
Кульчицкий, Кауфман и Коган.

Где каждый раз сбиралось вече,
Был пьян Иконин, как гусар.
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

Но ежели всмотреться в корень,
То это верно не совсем;

Живет и здравствует Иконин
В том домике, который семь.

Огромные поэмы пишет
И отоварить их спешит,
А впрочем, счастья не ищет
И не от счастья бежит.

И Кауфман, веселый малый
И не кричащий «караул!»,
Со своей женою Лялей
Живет Мархлевского на ул.

Прохожие там очень редки,
Стоят дома зубчатые,
Еще квартира там и предки
Сережи Наровчатова.

Глазков беседовал с Сережей,
Как с собутыльником стиха,
Сережа был такой хороший
И говорил: ха-ха.

А Кауфман по убежденью
Примерно был такой, как мы,
Но он с Глазковым расхожденье
Имел по поводу зимы.

Зима — паршивейший сезон,
И если говорить серьезно,
Хоть и вдыхаю я озон,
Но не переставая мерзну.

Хоть пыли нет и комаров,
Дыханье холода сквозное

Гораздо хуже вечеров
Очаровательного зноя.

У Павелецкого вокзала
Жил слушатель моих поэм —
Отважный летчик Кузин Шура,
С которым было много встреч,
И как обычная брошюра —
Его обыденная речь.

Но в годы вражеских нашествий
Он лётны кадры обучал
И первый был несумасшедший,
Какого в жизни я встречал.

И все... А больше нет хотенья
Описывать, бывал я где.

Гораздо лучше рассужденья
О поэтическом труде.

Наверно, рифму отыскать
Трудней, чем лазить по горам,
Трудней, чем ящики таскать
Весом в 120 килограмм.

Конечно, рифма — ерунда,
И отыскать ее нетрудно,
Но рифма легкая не та,
И расположена не тут она.

А ежели творить на век,
То хорошо отметил кто-то:
Стихи совсем не фейерверк,
А просто трудная работа.

Стихи как женщину берут,
Недели тратя на мгновенья;
Стих — это поэта труд,
Затраченный на вдохновенье.

39-й год настал,
Стихом сменилась проза.
Был этот год похож на старт
Какого-то большого кросса.

Рванулся год сороковой
Из самой середины века.
Кто знает, что за роковой
Был этот год для человека.

Иной в 40-м ввернет
Размах стиха, игру стихии,
Однако 41-й год
Докажет, что стихи плохие.

А я в году 46-м
Отметил не одну обитель,
Слагая о себе самом
Справочник-путеводитель.

1946 г.

НА ВЗЯТИЕ ПОЭТОГРАДА

(Поэма)

1

Долгин! Гвардии поэт!
Мир устроен вверх ногами.
Мы с тобой хотим побед
Над заклятыми врагами.

Как желаем, так и надо.
Неприятности терпя,
Я хочу Поэтограда
Для себя и для тебя.

Пусть среда не понимала,
Хорошо нам будет очень.
Знаем много, можем мало,
Сможем мочь.

Пусть я в комнате окнатой,
Завтра вырвусь на простор.
Я писать могу как надо:
Здорово.

Я стихи могу слагать
Про любовь и про вино.
Если вздумаю солгать,
Не удастся все равно.

На поэтовом престоле я
Пребываю весь свой век.

Пусть подумает история,
Что́ я был за человек.

Но биография Глазкова
Будет написана не скоро,
А когда будет написана,
Пусть восторжествует истина.

ИБО:

Хоть я гений не такой, как Пушкин
Или Омар Хайям,
Но мне надоело стрелять из пушки,
Из пушки по воробьям.

Настало время подводить
Итоги схоженных шагов,
Кандидатуры отводить
Неточно сложенных стихов.

И меня будут издавать,
Хоть это долго ждать,
Я ж убедился, что давать
Приятнее, чем брать.

Мне надо быть друзей добрей,
А я в долги залез,
И нужен миллион рублей
Почти что позарез.

В деньгах нуждаюсь больше,
Чем в отпущении грехов,
И материяльной пользы
Не вижу от стихов.

Но их писать не брошу
Ни за каким трудом,

А перейду на прозу
Когда-нибудь потом.

Живу в своей квартире
Тем, что пилю дрова.
Арбат, 44,
Квартира 22.

А смысл не в этом:
Москва, Арбат.
Мой путь неведом,
А не обратн.

Приди, Победа,
Явись скорей.
Пойди по этой
Стране моей.

Смешна до слез нудь
Институтских наук.
Чтоб не замерзнуть,
Пойду на юг.

Дороги дальны.
Лес есть, река.
Постигну тайны
Тогда стиха.

Любовну лодку
Разбив о быт,
Глушу я водку,
Людьми забыт.

Но водки мало,
Почти что нет.

Жена пропала,
А я поэт.

Так ей и надо,
Моей жене.
Поэтограда
Лишь надо мне.

Там наш обычай
У всех в сердцах.
Мы станем притчей
Во языцах.

Мне много смысла
Давно дано.
Я разлучился
Писать дрянно.

Мне жалко тех, кто чужою тенью
За вознаграждение быть готов,
А мне хорошо, ибо каждый день я
Открываю новых китов.

О чем писать стихов громаду?
С кем поэту бороться? Кого спасти?
Не эдак вопрос ставить надо.
Вопрос я ставлю: о чем не писать?

Я весь век свой желаю опередить,
Что не всякий сумеет сделать,
И себя попытаюсь определить,
Но так, чтобы не определить.

Я самый безответственный работник,
Люблю стихов своих многообразье.

Писать стихи — это, должно быть, подвиг.
А бросить их писать — не подвиг разве?

Век живу и век учусь,
Так поэтом и помру;
Но стихи мои не чушь,
Хоть похожи на игру.

Но не поймет Поэтограда,
Кто не владеет расстояньями.
Тому всегда победы ада
Казаться будут постоянными.

Хорошо пойти пошляться
По дороге жизненной,
Но в пути не опошляться,
Порывая с истиной.

Кто-то говорил подобно,
Спорили о термине.
Разузнать про все подробно
Не хватает времени.

Мне некогда. Я очень занят,
Рожден бездельником я дельным.
А люди этого не знают
В своем незнатье беспредельном.

Руби, топор, пили, пила,
По правилам науки,
А люди мира как Пилат —
И умывают руки.

Надену зимнее пальто,
Когда растают льды,

И скажут мне: — Это не то.—
И скажут: — Ты не ты.

Я всей планеты сцезу мнения,
Хочу, конечно, чтоб оне
Как можно были обомнейнее,
А мнения не обо мне.

И, не имея водки к ужину,
Но шествуя своим путем,
Я чувствую, как неизменно
Я всей планетой обойден.

Рукой судьбы могила вырыта
Для поэтических потерь,
И все то, что необщепринято,
То не печатают теперь.

Меня рассудит кто с мерзавцами?
Найти такого где судью?
Тогда погнался я за зайцами
Примерно сразу десятью.

Пожал совсем не то, что сеял я,
Не потому, что ум мой маг;
Но убежало зайцев семеро,
А трех я тоже не поймал.

Все же удачный выпал номер,
В рулетке счастья покружив,
Я угорел, но я не помер,
И очень рад, что очень жив.

Я знаю: радоваться рано,
Немногие взяты высоты,

Но жизнь прекрасна, несмотря на
Всевозможные невзгоды.

А были трудности и лишения,
Стекла выбитые в окне,
И имели они отноше́нье
Непосредственное ко мне.

Впрочем, разве я обыватель?
Я бродяга дорог и гор,
И военный обозреватель
И себе самому спецкор.

Почему меня тянет к людям,
А на небе ни луны.
Быть хочу я самым мудрым
Мудрецом своей страны.

Отдаюсь борьбе течений,
Что идет в течение лет.
Гений я или не гений?
Все равно мне это? Нет.

Превзойду, что было раньше,
Сочиню всехлучший том
И стихом со всеми слажу...
Ну а дальше, а потом?

Нет ответа, нет ответа,
Нет ответа, есть война;
Но и пьяный не от ветра
Шатается, от вина.

Так и я отдаюсь минутам,
Но от вечности не отвык.

Почему меня тянет к людям
И отталкивает от книг?

Книга лучше, труднее путь им,
А всего больше смысла в играх.
В книгах то я ищу, что в людях.
В людях то я ищу, что в книгах.

Позабыл и позабросил книги,
Сам не знаю, где моя звезда.
На базарах нищие владыки
Щеголяют именем Христа.

Карточки мне не хватает хлебной,
Горе мне, что не могу помочь им;
Но живем мы в век великолепный
Очень.

2

Об Отечественной войне
До Отечественной войны
Не писал. Виноват вдвойне,
Что не чуял своей вины.

За Отечественную войну
Об Отечественной войне
Мои были стихи в плену,
Рукописно бродя по стране.

Ко всему привыкая средь бурь,
Треволнений и пустяков,
Я в быту разделил судьбу
Настоящих стихов.

Жить не могу, как мне надо,
Дни моей жизни несолнечны,
Немцы во всем виноваты,
Сволочи.

Враг совершал такие преступления,
Что всяк из нас мечту отмстить вынашивал.
Мы ждали наступленья наступленья
На всех фронтах, и непременно нашего.

Я очень ждал желанного момента,
И вот пришла она, пора победная.
Ну а стихи — как звонкая монета:
Серебряная, золотая, медная.

На первый взгляд, мои стихи безделки,
Или для смысла здорового дики.
Мне ж все равно, ибо на эти деньги
Я жизни всей своей купил деньки.

Стихи? Пустяк, должно быть, это сущий.
Стихи, но можно обойтись и без...
Я ж божьей милостью поэт.
Стих наш насущный —
Молю у господ я — дай нам днесь.

Осознал на пользу самому себе,
Что люблю свой век, свой день, свой час я,
Надо только помогать судьбе —
И тогда возможным станет счастье.

3

Моих товарищей подразделенья
Победно гонят фрицкие войска;

Но ежели не побывать в деревне,
Нельзя сказать, зачем нужна Москва.

Что есть Москва, о том не сожалею,
Всегда, когда в Москву приеду, рад;
Но и Москва не Рио-де-Жанейро
И, к сожаленью, не Поэтоград.

Поэтоград еще не взят,
Но люди разные спуют,
Ракеты красные висят —
И что ни вечер, то салют.

Красноармейские части
Борются с немцами лютыми —
И измеряется счастье
Как таковое салютами.

Пусть мир на Земшаре,
Войною войну истребя,
Чтоб немцы задрожали
9-го... сентября.

Мрак сиз,
Пропади,
Марксизм,
Победи

Кому вниз —
Перейди,
Коммунизм
Вперед.
Поэтоград еще не взят,

Но будет взят Поэтоград,
ИБО
Поступают ежечасно
С фронта радостные вести;
Многоградусное счастье
Лет наступит через 200.

И тебя зачислят в книгу
Небывалых стихотворцев,
И меня причислят к лику
Николаев Чудотворцев.

1944 г.

ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО

(Фрагменты)

*Светлой памяти
Главного конструктора
Сергея Павловича Королева*

Если кто-нибудь скажет, что предлагаемая рукопись — поэма, я с ним соглашусь.

Если кто-нибудь скажет, что предлагаемая рукопись — не поэма, я с ним соглашусь тоже.

Николай Глазков

Первое впечатление

Лежал малютка в колыбели,
Синели, зеленели дали —
И где-то рядом птицы пели,
Не только пели — и летали.

Они в глубоком небе плыли,
Они летели, как хотели.
Такое было в марте или
В апреле. Кажется, в апреле.

Одесса

Можно было плавать и в Остёре,
Было бы желанье да уменье!..
Но, конечно, море — это море!
И какое может быть сравнение?

Нет у моря ни конца ни края,
Если есть, то не охватишь глазом,
Синева-голубизна такая
Где еще? У неба только разве?

Хорошо, что есть такое море,
Что оно, как небеса, бескрайне!..
И нырять приятно очень с мола
В глубину, где обитает тайна.

Каждый пароход в порту рабочем
Вызывает столько интереса!..
Это очень хорошо, что отчим
Перебраться пожелал в Одессу!

Море удивительно красиво
И в любое время величаво.
На морях стоит страна Россия —
Наша сухопутная держава!
А в тельняшках смуглые матросы,
Вероятно, знают все на свете:
На любые сложные вопросы,
Ежели подумают, ответят!

Первые полеты

Стремился мальчик к Альпам или к Андам,
К полетам сумасбродным и свободным,
К летающим по небу анакондам
И, вероятно, не был вундеркиндом.

Лет с десяти не занимался квантом,
Не увлекался Контом или Кантом,

А любовался облаком закатным
И небом необъятным, благодатным.

День выпал лучезарный и горячий,
Хороший день, а может, самый лучший:
Был день, ознаменованный удачей,
А может быть, счастливый выпал случай.

На берегу морском однажды летом
Сережа познакомился с пилотом
И пристрастился к солнечным полетам —
И главное, пожалуй, будет в этом!

Он пролетал над морем и над миром,
Над бором, над забором, над базаром —
Парнишка был счастливым пассажиром,
И все казалось новым, а не старым!

В Александровской слободе

Не имея скорости моторной,
С Крестосвятской церкви-колокольни
Полетел крылатый паренек.
Он отважно совершил паренье
И упал, роня оперенье,
Все ж не поломал ни рук, ни ног.

Можно подвигом его гордиться,
Но за то, что человек не птица,
Царь Иван Четвертый приказал
Поломать герою руки-ноги,
Чтобы были все вокруг убоги,
Чтоб никто не мыслил, не дерзал!

Пусть ответит честный наш историк:
Грозный кто — садист и параноик
Или величайший из владык?
Но, мечтавший сказку сделать былью,
Хитроумец, смастеривший крылья,
Вечно юн и истинно велик!

Можайский

О полетах мечтать умея,
Видел он самолет в металле,
А летал на воздушном змее:
На металле тогда не летали.

Подымал его ветер майский
Выше крыши и выше березы —
Был изобретатель Можайский
Выше денег и жалкой прозы!

Нестеров

Своим телом управлял пловец
Виртуозно и целенаправленно,
Но такой же, как пловец, молодец
Первый мастер воздухоплавания!

Как угодно по воздуху может плыть
Самолет — продувная бестия,
И поэтому должен послушным быть
Он такому пилоту, как Нестеров.

Мыслил Нестеров дерзко: — Я жизнь люблю
Не какую-нибудь, а лётную! —

Потому и свершил он свою петлю,
Иногда зовут ее мертвою.

Говорят, будто Нестеров удалой
Заключен был за смелость под стражу.
А петля оказалась живучей петлей
И фигурой высшего пилотажа!

Исполнитель трюковых номеров

Студент Киевского политехни-
ческого института С. Королев
снимался в кинофильме «Три-
польская трагедия»

У теперешней молодежи
Свои трудности могут быть тоже.
У кого, скажите, их нет?
Ну а Королеву Сереже
Добывать приходилось гроши:
Разносить пачки свежих газет.

А потом он снимался в кино.
Фильм немой позабыт давно —
И, наверно б, не вспоминался,
Если б в нем Королев не снимался.

Не считайте его артистом,
Не считайте его статистом —
Храбрый юноша Королев
Очень нравился кинозрителям,
Потому что был исполнителем
Не простых — трюковых номеров!

Коммунисты, вперед!
Комсомольцы, вперед!
Кто сыграет опасную роль?

И Сережа идет,
Его страх не берет,
Ибо он по призванию герой!

Кто с днепровской кручи
Сможет прыгнуть в омут?
Человек могучий
Свою робость сломит!

Кто боится разбиться?
Королев не боится —
По сценарию падает смело.
Опасаться не надо:
Он ведь прыгал когда-то
Точно так же в Одессе с мола!

Циолковский

Маяковский — это Циолковский,
Слово конструирующий ново.
Циолковский — это Маяковский:
Футурист в хорошем смысле слова!

Было время мечтать
Без заметной практической пользы,
Ну а время летать
Наступило значительно позже.

Было время считать —
И в своей метрополии окской
Межпланетную гать
Измерял Константин Циолковский.

Было время творить
Без заметной практической пользы,

Ну а время парить
Наступило, естественно, после.

До небесных краев
Путь доступен ракете громоздкой.
Что придет Королев,
Понимал Константин Циолковский!

Личная встреча

Константин Эдуардович
Тем и хорош,
Что может обрадовать
Молодежь.

И к наставнику-другу
С ватагой друзей
Приезжает в Калугу
Дипломник Сергей.

Говорит вдохновенно
Циолковский-старик
О ближайшей вселенной
И взглядах своих.

Обещает серьезно
Королев, что пробиться
Постарается к звездам,
Трудов не боится!

Что ж! Их будет немало,
Верьте мне, старику,
А я вам для начала,
Чем смогу, помогу!

Планерское

Есть много в мире баллад,
И много в мире болот.
Одних развлекает парад,
Других увлекает полет.

Проверенный карандаш
Давно набросал чертеж —
Проветренный Кара-Даг
Для планериста хорош.

Под крыльями ветер поет,
Планер над горами парит,
Ведет его юный пилот,
Чье имя еще прогремит!

Мечтал он со школьных парт
Побить не один рекорд —
И необходим как старт
Красивый, рискованный спорт.

Сергей Королев, как король,
Великую выберет цель,
А за черноватой горой
Раскинулся Коктебель.

Цандер

Фридрих Артурович Цандер
В руки не брал эспандер,
Не выжимал гирь.

Дерзко мечтал Цандер
О межпланетном скафандре
И возглавлял ГИРД —
Группу Изучения
Реактивного Движения.

Был он тихим ученым.
В обществе оживленном
Пил не вино, а морс.
Только под звездным небом
Робким тверезым не был,
Крикнул:
— Вперед на Марс!

Не побывав на Марсе,
Цандер скончался в марте,
В тридцать третьем году.
Помнят о нем космонавты
Как о борце за правду
В их самом первом ряду!

Ракета 1933 года

1

Ракета взлетала
Не на километры, на метры.
Ракету шатало
От ветра, обычного ветра.
Поспешно, как хворост,
Сгорела штуковина эта.
А в космос, а в космос
Взлететь могла только ракета!

Ракета училась ходить,
 Как беспомощный малый ребенок.
 Желала она охватить
 Широту межпланетных сторон.
 Ракета училась летать
 И качалась, как пьяный от спирта.
 Ее испытать-воспитать —
 Это цель Королева и ГИРДа —
 Группы Изучения
 Реактивного Движения.

Дополнительный двигатель

В безотказный металл
 Воплощал Королев
 Все, о чем он мечтал
 В дни тяжелых боев.

В дни и ночи войны
 Сконструировал, выходил
 Самолетам страны
 Дополнительный двигатель!

Чтобы им сообщить
 Максимальную скорость,
 Чтоб на радость сменить
 Всенародную горечь!

Чтоб ту скорость развить,
 Он работал упорно:
 Чтоб фашистов разить
 Реактивно-моторно!

* * *

Конструктор главный — это режиссер,
Загруженный работой до предела,
Поскольку от него зависит все
Великое, невиданное дело.

Сотрудники, которых отобрал,
Актеры, незаметные герои,
Готовы и на труд, и на аврал.
Но главное: не перепутать роли!

Изобретателю возможность дать
Такую, чтоб не стал чужою тенью
И мог действительно изобретать —
Не только продвигать изобретенье!

Задача гения

Ракета чтобы в космос полетела —
Это дело.
Должно быть совершенным ее тело
До предела!
Горючее
Должно быть наилучшее:
Могучее,
Везучее, летучее.

Задача гения —
Искоренение
Успокоения
И промедления.

Задача гения —
Соединение
Того и этого
Изобретения.

Задача гения —
Преодоление
Земного трения
И притяжения!

И не сомнение,
А измерение
И освоение —
Задача гения.

1957 год

Сто лет со дня
Рождения Циолковского —
Не болтовня
Настроя философского
С бокалом
Юбилейного шампанского
И милым малым
Вида марсианского.

Дом Союзов. Колонный зал.
Выступил Королев. Сказал,
Что искусственный спутник запущен будет
В ближайшее время с научной целью.
А сидящие в зале люди
Верить этому не хотели.

И не думали не гадали,
Не предполагали они,
Что наш спутник не за годами,
Что его отделяют дни!

Добрый спутник — ступень ракеты,
Позывные «бип-бип» говоря,
Полетел вокруг Земли-планеты
4-го октября!

Космический корабль

1

Предлагалось слово «космолет».
Обсуждалось долго и серьезно.
Корольев сказал: — Не подойдет!
Неестественно! Претенциозно! —
Хорошо б, чтоб каждый инженер
Понимать умел значенье слова
И с поэтов лучших брал пример
Или с Королева!

2

Космический корабль, корабль космический —
Теперь уже реальность, а не бредь —
Летал в литературе фантастической
И должен впредь
Всамделишно взлететь!
Он может быть снарядом обтекаемым,
А может, будет выглядеть как краб.
К иным планетам — берегам неизвестным
Направится космический корабль!

* * *

Бывает. Кто-то вовремя не признан —
И гибнут гениальные открытия.
Мы все страдаем от бюрократизма
И... от его неполного развития!

На бюрократов часто смотрят косо
Товарищи изысканного вкуса,
Их проклинаят со времен Хеопса,
А людям не хватает главначпупса!

Достойно уваженья прожектёрство,
Прекрасно проявленье дарованья,
Но пропадет достигший превосходства
Без управленья по согласованью!

И нужен тот, который умудренно
Оценит и почувствует открытие:
Найти сумеет десять миллионов
И предоставит койку в общежитье!

Песня о Звездном городке

Растения асфальты пробивают,
И белые вороны пролетают,
И черные тюльпаны расцветают —
Трусливых космонавтов не бывает!

И юноши бывают стариками,
И мудрецы бывают дураками,
Когда тщеславье их обуревает, —
Трусливых космонавтов не бывает!

Компьютер может сделаться поэтом,
Камелия цветет зимой — не летом,
Бывает, ночью радуга играет —
Трусливых космонавтов не бывает!

От засухи бывает наводнение,
Бывает очень странное явление:
Дождь льется, а земли не поливает —
Трусливых космонавтов не бывает!

Упасть, разбиться может даже птица,
И рыба может утонуть в воде,
Бывает, и гроссмейстеры зевают —
Трусливых космонавтов не бывает!

Бывает все на этом белом свете:
Не рыба — липа попадает в сети,
Бывает, летом вьюга завывает —
Трусливых космонавтов не бывает!

Пусть солдаты немного поспят

Ночью темные тени длиннее,
А работоспособность короче.
Утро вечера мудренее,
А тем паче мудрее ночи.

Ночью серых туманов клочья
Вспоминают угасший закат.
Первозданной космической ночью
Пусть солдаты немного поспят.

Пусть другие выходят из спален —
Спят спокойно герои века:
Космонавт номер первый — Гагарин —
И Титов — дублер и коллега.

Отдохнуть им всех больше нужно
В ночь двенадцатую апреля,
До того, как в лучах жемчужных
Акварели небес посветлели.

Ночь двенадцатого апреля

Обитатели космодрома
На небесные звезды смотрели,
Позабыли, что значит дрема,
В ночь двенадцатую апреля.

Детство, отрочество, юность
Академика Королева
В эту славную ночь рванулись,
И, казалось: вернулись снова!

Только вот валидол в кармане,
Ибо сердце — оно на пределе.
В ночь, которая тоже на грани:
В ночь на двенадцатое апреля!

* * *

Согласно сказкам старым,
Иван верит полетам.
Царевичем не стал он,
Но сделался пилотом!

Летит машина прытко
Над облачной завесой,
Нам подает напитки
Царевна-стюардесса.

Простые пассажиры,
Мы превзошли Икаров:
На высоте Памира
Летим быстрее, чем Чкалов!

Но на минуту буду
Немного бесшабашней:
Не удивляюсь чуду,
В котором день вчерашний.

Есть в самолете косность,
Присущая телегам,
А полетевший в космос
Шагает в ногу с веком!

КРАТКОСТИШЬЯ

* * *

Он бы рад вперед,
Да его страх берет.
Он бы рад назад,
Да у него страх в глазах.

* * *

Не ночь, так день
Сойдет в дома.
Где свет — там тень,
Где тьма — там тьма.

* * *

Посмотри во все бинокли ты —
И увидишь: всё неверно.
Из всего, что было проклято,
Семь восьмых благословенно!

* * *

Сапожное полезно ремесло,
Как сбор плодов и производство стали;
Но человечеству б не повезло,
Если бы все сапожниками стали!

* * *

Луна на дереве висела,
Ей было весело висеть,
Она, как рыба, там блестела,
И было дерево как сеть!

* * *

Я не могу остановиться,
Когда начну стихи слагать:
Беседует со мной страница,
Которой не могу солгать.

* * *

Недостаток
То, что плохо?
Нет! Остаток
Хорошего былого.

Объяснения в любви и нелюбви

* * *

У меня такое мнение,
И, наверно, се ля ви:
Лирика есть объяснение
В поэтической любви.

Но несовершенство мира
Губит чувства и рубли.
Есть поэтому сатира:
Объяснение в нелюбви.

ПО ПОВОДУ БОРОДЫ

Для чего мне борода?
Почему ее не брею?
Потому, что холода
С каждым днем все свирепее.

Незначительной бородкой
Я от стужи защищен.
Волос, пусть даже короткий,
Все же шерсть, а не нейлон.

РАЗГОВОР С ЧЕРТОМ

Вошел незнакомец, хвостат и рогат:

— Я видеть хочу стихотворца.

— Садитесь, пожалуйста... Очень не рад! —

Сказал поэт незнакомцу.

— А я очень рад и про наши дела

Скажу откровенно и смело:

Нам надо быть выше добра или зла!..

— А с кем я имею дело?

— С чертом. А что? Я ведь вхож на Парнас!

Поэзия штука такая...

В стихи иногда вы пускаете нас!

— В стихи иногда допускаю.

— Так вот тем лучше!.. Вы русский поэт,

Известный не всем, но нам.

Деньгами располагаете? Нет?

— Нет, и займы не дам!

— Помилуйте!.. Я не прошу займы!..

Напротив, душой сокрушаемся мы,

На ваше безденежье глядя!..

Как черту, прекрасно известно мне,

Что ваших стихов почти что и нет в печати!

А вы бы могли совершить турне

И там подработать кстати.

Вас интересует туристский маршрут

Ну, скажем, вокруг Европы?

На это вам денежки черти дадут
С одним условием, чтобы...
— Душу?
— Да нет!.. Руку на сердце положи,
Скажу вам, хе-хе, хи-хи,
Что нужна мне ваша душа,
Как некоторым газетам стихи!
Души мне не надо, а нужно нам,
Чтоб вы ду-ду-ду — и остались там!

Чувствую, что не хотите. А зря!..
Уехать совсем несложно...
И все, чего здесь напечатать нельзя,
Там напечатать можно!

Напрасно вы так дорожите Москвой,
Ду-ду — и не надо обратно!..
Вы там издадите все!
— Для кого?
Для нескольких эмигрантов?

Я вас огорчу, господин черт:
Меня не прельщает такой почет;
В Москве я к читателю ближе!..

Мне лучше, вдыхая Отечества дым,
В России поэтом быть рядовым,
Чем первым поэтом в Париже!

1958 г.

АМУЛЕТ

Пил сынок. Жена сказала мужу:
— С алкашами дружен наш Митюша,
Но душою милый мальчик чист.
Знаю я, что против пьянства греки
До н. э., еще в четвертом веке,
Амулет носили — аметист.

Согласился муж: — Конечно, надо
Продолжать традиции Эллады,
Уважать Афины и Милет.
Камень фиолетовый прелестен,
Купим парню с аметистом перстень...
Только он пропьет твой амулет!

* * *

Жил критик. Он смеялся, плакал
И был от правды недалек,
Как начинающий оракул
И успевающий пророк.
Входил он в книжную обитель,
Как Одиссей иль Гильгамеш.
Не как вторитель, как творитель
Ценил творительный падеж.
Не принимая словоблудья
И всем осточертевших схем,
Он, как взыскательные судьи,
Мог любоваться кем и чем.
А нынче странно опустился
И вкус утратил и размах —
И никакого нету смысла
В его затасканных словах!

ЛЕШИИ

Сон забавный приснился мне:
Покупаю газету во сне,
Разворачиваю «Вечерку»,
Объявления читаю свежие —
Ощущаю чувство восторга;
Требуются лешие!

Глубоко убежден, что с моею
Удивительной работоспособностью
Лешим быть, несомненно, сумею
И в Москве, и в Московской области!

В дом вхожу. Заполняю анкету.
Настроение самое бодрое.
Возражают: — А справочки нету,
Что три года нигде не работали!
И не видно печати
Той тети,
Что у видного дяди
В почете.
А еще мы должны позаботиться
Об одном человеке милейшем...

Хоть в стране у нас нет безработицы,
Не сумел я устроиться лешим!

ВСЕЛЕНСКАЯ ТОСКА

Я утверждал с упорством первозданным,
Что в жизни радости, как поезда,
Приходят очень часто с опозданием,
А счастье не приходит никогда.

Я говорил старательно и много,
Коррозии эпохи перебрав,
И опровергнуть сам себя не мог я
И, вероятно, был частично прав.

А на другой день вышел я на Волгу,
Почувствовал, как мне она близка,
И ощутил, что держится недолго
Обычная вселенская тоска.

СЦЕНАРИСТУ, ЖЕЛАЮЩЕМУ ЗАСНЯТЬ ЦУНАМИ

Хорошо порезвиться с волнами,
Хорошо эти волны заснять,
Но не связывайся с цунами
Высотой метров в двадцать пять.

Волны двигаются стенами,
Сокрушая, сметая, губя...
Если ты увидишь цунами,
Я потом не увижу тебя!

* * *

Поэзия всем улыбается радужно,
Поэзия всех принимает радушно —
И каждый надеется, что взаправдашно
Он делает именно то, что нужно.
И каждый находит себе почитателя,
И все сочиняющие, без различья,
Ругают старательно обывателя,
Не понимающего величья.

Величья эпохи, величья романтики,
Звенящей от Арктики и до Антарктики,
Летящей к еще не открытым планетам,—
Величья, присущего смелым поэтам.
Ругают его, обывателя мелкого,
Что ходит по комнате, спит на кровати...
И часто коллеге в разгаре полемики
Бросают обидное: — Ты обыватель!

Коллеги-поэты, а вы забываете,
Что необходим гражданин обыватель,
И следует нам уважать обывателя,
Когда он читатель и книг покупатель!

* * *

А вы все, а вы все,
Все катайтесь по шоссе,
А я сам, а я сам,
Сам шатаюсь по лесам!..

ПРО ОБЕЗЬЯН

Есть в Сухуми питомник, где живут обезьяны:
Капуцины, макаки и павианы...
А про то, как живет
Обезьяний народ,
Рассказал мне товарищ экскурсовод.

Например, павиан-самец
Молодец
И общественных предрассудков лишен.
Покоритель сердец
И примерный отец,
Он
Имеет двадцать шесть жен.

Они его любят
И так голубят,
Что он ходит в мантии голубой.
Если б нас так любили,
Мы бы счастливы были,
И не только с любимой, но даже с любой!

Человек — царь природы преграды берет;
Но не все воздержанье считают изъясном.
Я хочу, чтоб в любви мы шагнули вперед
К обезьянам!

ТАПОЧКИ

Иные славят новые штиблеты,
Другие — сапоги и башмаки.
Я славлю тапочки — простую обувь лета:
Они легки, но также и крепки.

Иные любят скверы и бульвары,
Другие бродят где-нибудь еще.
А я в лесу и у реки бываю,
И в тапочках мне летом хорошо.

Иные очень уважают моду,
Не отстают от нового денька,
А я люблю не моду, а природу,
Великолепную во все века!

Иные любят щеголять в обновах —
Не следую их суете пустой.
Бродить удобно в тапочках дешевых,
А можно босиком, как Лев Толстой!

Итак, ценя лесов сосновых запах,
И речку, и зеленую траву,
Однажды летом в тапках этих самых
Направился я в ресторан «Москву».

Швейцар остановил меня у входа:
— Вам в тапочках нельзя!
— А почему?
— Здесь много иностранного народа!
— Ну что ж! Тогда я тапочки сниму.

И босиком пошел я по ступеням,
Ну а швейцара отстранил слегка.

Тогда швейцар, старик весьма степенный,
Взмолился: — Не губите старика!..

Идите, ради бога, в чем хотите,
Но только не входите босиком!..—
Я тапочки надел, как победитель,
И позабыл о пустяке таком.

Но вспомнил вновь. Ведь если разобраться,
То мы народ сознательный вполне.
Я подражать не буду иностранцам —
Они пусть лучше подражают мне!

* * *

Живешь, хитроумных стихов не терпя,
Не ставишь стихи ни во грош,
Но если я напишу про тебя,
То, может быть, не умрешь.

Тебя на века, как янтарь паука,
Моя сохранит строка.
Но стоит ли сохранять дурака?
Не стоит наверняка!

* * *

Как богатырь ушел недалеко я,
Не жду оваций яростного гула.
Ну, скажем, подыму одной рукою
За ножку лишь четыре венских стула.
Но вижу всюду силачей-сограждан:
Здорово, львы, богатыри, здорово:
Из вас одной рукой поднимет каждый
Двенадцать стульев (Ильфа и Петрова)!

* * *

Вы, которые не взяли
Кораблей на абордаж,
Но в страницы книг вонзали
Красно-синий карандаш;
Созерцатели и судьи,
Люди славы и культуры,
Бросьте это и рисуйте
На меня карикатуры!..

Я пока не мыслю здраво
И не значусь в статус-кво.
Перед вами слава, слава,
Но посмотрим — кто кого?!

Слава — шкура барабана,
Каждый колоти в нее,
А история покажет,
Кто дегенеративнее!

* * *

Не благородный древний грек,
А варвар — подлый печенег,
Сметенный вечной мглою,
В своей степи давным-давно
Пил виноградное вино
Из черепа героя.

Грузин — сознательный Ваню
Смотрел на вещи строго
И виноградное вино
Пил всякий раз из рога.

Не все равно? Не все равно!
Подонком быть немудрено.
Замечу, как любитель вин:
Мне больше нравится грузин.

1979 г.

ЛЕВ И ЧЕЛОВЕК

(Басня)

Лев подружился с человеком.
Тот человек был древним греком
И путешествовал вдвоем
С водящимся в Европе львом.

Когда пришли они в Афины,
Зашли на постоялый двор,
Вкусили вина и маслины,
Затеяли серьезный спор.

Сильнее кто: львы или люди?
— Конечно, львы! — воскликнул лев.—
Бороться без оружия будем,
Мы победим, вас одолев!

Но человек разумно, веско
Такие произнес слова:
— Взгляни, мой друг, на эту фреску,
Геракл руками душит льва!

Лев посмотрел тогда на стену,
Рисунок был весьма хорош.
Изображалась вдохновенно,
Должно быть, правда, а не ложь!

Лев согласился: — В самом деле
Сильнее люди, нежели львы,
Но, если б рисовать умели
Мы так же здорово, как вы,
Тогда бы мы изобразили
Льва — своего богатыря,
И, между нами говоря,
Вы б подивились львиной силе!

Мораль проста. Быть сильным мало.
Всегда искусство побеждало!

**ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНИЕ
АНДРЕЮ ВОЗНЕСЕНСКОМУ**

Высились горы Кавказа,
Чистые, как унитазы¹.
И ледники в тумане
Пи́сали по медиане,
По биссектрисе и высоте
Пи́сали ледники.
Радуюсь, как мечте, красоте,
Рождались от них родники
И, вспоминая о снеге,
Объединялись в реки.
А через горы-долины
Быстрые, как балерины,
Мчались красавицы всадницы,
Шпоры вонзая в задницы
Разъяренных кобыл.
Я там был,
Виски с абсентом пил,
Светлые, как стекло.
По ботфортам текло,
А в рот не попало.
Всякое в жизни бывало.

¹ Для поэта Вознесенского «унитаз» — часть архитектурного ансамбля — такое же обычное явление, как для Микеланджело упоминание мочевого пузыря, а для Резанова соблазнение губернаторской дочери.

АВТОПАРОДИЯ

Что мне все дома, трамваи,
Города,
Если я не унываю
Никогда?

Но из дома, что из трюма —
Кабака
Очень часто я смотрю на
Облака.

Облака плывут все белые
Мною над.
Хорошо мне, сам себе я
Меценат.

А стихи мои уометр
Для ума,
Славен тот, кто их запомнит,
Все тома.

В каждом томе, словно в доме
Для стихов,
Обитателей нет, кроме
Как Глазков.

ИГРА В КИРПИЧИ, ИЛИ СМЕРТЬ АХИЛЛА

(Подражание Борису Слуцкому)

Продолжается Илиада...
Битых кирпичей было столько,
что не бросать их было нельзя.
Целить в голову нам не хотелось,
чаще целили мы по ногам.

Борис Слуцкий

Ахилл, успешно осаждая Трою,
Любого силача сильнее был втрое —
Таким изобразил его Гомер,
Коллега наш изображать умел!

Парис, тот уступал ахейцам в силе,
Замечу, что его Борисом звали,
Но илионцы не произносили
«Б». Буквы «Б» они не признавали.

Прославленный Парис, Борис который,
У детства человечества вначале,
Участник занимательных историй,
Кидался виртуозно кирпичами!

По головам он целил неохотно:
Не пробивалось шлеме стальное,
Но по ногам он целил превосходно,
Ахейцев многих выведя из строя!

Пусть их Ахилл не робкого десятка:
Тяжеловесно и неутомимо
Ряды троянцев сокрушал, но пятка
Была у Ахиллеса уязвима!

Парис-Борис отточенным обломком
Кирпичика внушительного веса
Прицелился, взмахнул и очень ловко
Попал, как снайпер, в пятку Ахиллеса!

И пал Ахилл! Конечно, жаль героя:
Не дожил он до дня паденья Трои
И, так сказать, остался ни при чем!..

Мораль? Умей кидаться кирпичом!

ПАРОДИЯ НА МИХАИЛА КУЛЬЧИЦКОГО

Если бы кто-нибудь мне сказал:
Водку не пей: коммунизм начнется.
Я только бы губы свои покусал,
Я б только подумал: мне это зачтется:

И чтобы, как в русское небо,
Французские девушки смотрели ввысь,
Я б не пил, не пил и не пил,
А потом бы не выдержал и выпил за
коммунизм!

1942 г.

ОФИЦЕРЫ ИГРАЮТ В КАРТЫ

(Сергей Наровчатов)

Товарищи офицеры играют в карты,
Разумеется, в двадцать одно.
Но еще неподдельного нет азарта:
Ходят мелко, и в банке бедно.

Пожилой генерал, на висках его проседь,
Теребит раздраженно усы.
Говорит: — Не пора ли игру эту бросить?
Нету в ней настоящей красы!

Но за стол сажусь я, поэт Наровчатов,
Громыхаю деньгами, как танк.
Приумолкли ребята, притихли девчата:
Я срываю трехсотенный банк!

Ставлю в банк три тысячи, сам банкую,
Забираю сто, сто и сто.
Мимоходом крапленные карты бракую,
Чтобы не плутовал никто!

Снисходительна мадмуазель Фортуна,
Мне среди офицеров везет.
Вероятно, написано так на роду нам,
Забираю пятьсот и пятьсот!

Банк растет! Как растет? Как грибы после
ливня,
Как зимою растет снежный ком.
Мне везет! Как везет? Легендарно, былинно!
Затаили дыханье кругом!

В банке десять тысяч плюс разная мелочь,
Но, чтоб свой возвеличить ранг,

Пожилой генерал проявляет смелость
И, рискуя, идет ва-банк!

Вероятно, он хочет на мне отыграться,
Но я чувствую, что у него
На руках шестнадцать или семнадцать
И, уверен, не больше того!

Я снимаю колоду, но из окошка
Готического строения
Вдруг выскакивает черная кошка,
Омрачая мое настроение.

И дорогу перебегают заяц.
Я чуть-чуть не спросил проклятого:
Неужели, четвероногий мерзавец,
Хочешь ты погубить Наровчатова?

Я лишаюсь уверенности и покоя,
Хоть до этого мне везло.
Вспоминать начинаю: число какое?
Тринадцатое число!

Я беру себе карты. Трефовая дама,
Туз, десятка... Итак, перебор...
И потери не в счет. Фортуна упряма.
Бой проигран. Закончен спор.

Ни гроша в кармане. Уплыло богатство.
Бой закончен меж мной и судьбой.
До виденья, краса треховая. Баста!
Пусть другой козыряет тобой!

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ МАСТЕРОВ

Объяснение альпиниста

Как альпинист и как мужчина,
Я понимаю хорошо,
Что ты прекрасная вершина,
Не покоренная еще.

К тебе, загадочно прелестной,
И предстоит подняться мне
По той упадочно-отвесной,
Грозящей гибелью стене.

Я улечу в глухую пропасть
К подножью гор — к твоим ногам
Иль поднимусь к таким, как глобус,
Твоим лазурным ледникам.

На свете мне всего милее
Высокогорный этот спорт —
И, если станешь ты моею,
Я буду счастлив или горд!

Объяснение бортмеханика

Люблю тебя за красоту
И все такое прочее,
Как высоту и быстроту
И все такое прочее.

Свою давнишнюю мечту
В тебе нашел воочию,

Тебя я чту, как «ИЛ» и «ТУ»
И все такое прочее.

И на лету, и на ходу,
В Анадыре и в Сочи я
Имею лишь тебя в виду
И все такое прочее.

Мне подвести пора черту:
Моторчики вращая,
С тобою счастье обрету
И все такое прочее!

Объяснение водолаза

Вокруг меня сплошная влага,
И мне работать не легко,
На глубине морской, однако,
Я — словно сказочный Садко.

Я вижу цвета изумруда
Волшебных водорослей лес,
В котором рыбы, крабы, спруты —
Все вызывает интерес.

Хотя на дне морском нескверно,
Душа моя полна тоской:
Я размышляю о царевне,
О сухопутной — не морской!

Ты можешь стать моею ею,
Подруг на свадьбу пригласить —
Как царь морской, я всех сумею
Дарами моря угостить!

Объяснение геолога

Любовь — тяжелая обуза,
Я понимаю это сам:
Ее, как кварцевую друзу,
Тащу по сопкам и лесам.

Вокруг меня сияет осень
И живописные места,
Мне голос шепчет: «Может, сбросим?»
Но в друзьях дремлет красота.

Тащу излюбленную ношу,
Бунтует каждый килограмм.
Я донесу ее и сброшу
К твоим ногам, к твоим ногам.

Среди уютных книжных полок
Меня безумцем назови,
Но я геолог, а геолог
Прожить не может без любви!

Объяснение Деда-Мороза

Я, Дед-Мороз, вношу недолгий
Уют в студеный неуют,
За что у новогодней елки
Меня охотно признают.

Вокруг меня скользят девицы,
Мне улыбаясь на бегу.
Их очень много, но влюбиться
Я лишь в Снегурочку могу.

Ты вся арктически блистаешь,
Резва, как северный олень,

И артистически растаешь
В Международный женский день.

Когда придется расставаться,
Переживем разлуку мы
До новых елочных оваций,
До снежных праздников зимы.

Объяснение жонглера

Шагаю в куртке золоченой
И говорю: — Убрать ковер! —
Сверкаю, ярко озаренный,
Любимец публики — жонглер.

Вначале я шестью шарами
Играл в футбол и волейбол.
Теперь жонглирую ножами,
Все шесть ножей вонзаю в пол!

За столь опасное искусство
Я славу громкую стяжал,
Но знай: отвергнутое чувство
Опасно, как седьмой кинжал!

Люблю тебя, теряя разум,
И ты меня не обижай,
Не унижай своим отказом,
Ножа мне в сердце не вонзай!

Объяснение золотоискателя

Старатель я, в своей артели
Изведал бедность и позор:
Оправдывали еле-еле
Прокатный гидромонитор.

Однако жила подвернулась —
И после каторжных трудов
Я вспомнил в Адлере про юность
И в Сочи вспомнил про любовь.

Тебя, как баловень удачи,
Вожу в вечерний ресторан.
Я там бываю всех богаче
И добродушно сыт и пьян.

Люблю тебя, моя малышка,
И на Кавказе, и в Крыму,
А исчерпается сберкнижка,
Отправлюсь вновь на Колыму!

Объяснение историка

Как Шлиман царственную Трою,
Люблю тебя со страстью всей,
А может быть, сильнее втрое:
Как Пенелопу Одиссей!

Достойна Греция восторга.
Но лучше жить в краю родном:

Люблю тебя, как Игорь Ольгу,
Когда они взошли на Кром¹.

Люблю тебя не вполонину —
Вдвойне. Мне кажется порой,
Тебя люблю я, как Марину
Лжедмитрий Первый и Второй!

Приди ко мне, отроковица,
Свою взаимность прояви —
Мы можем новую страницу
Вписать в историю Любви!

Объяснение маляра

Когда любви не обнаружу,
Валюсь уныло на кровать —
Мою истерзанную душу
Обратно надо шпаклевать.

В моих висках мелькнула проседь.
И, не валяя дурака,
Прилежно буду купоросить
Себя от стен до потолка.

Такое дело — не безделка,
Но я сознательный маляр:
Нужна серьезная побелка,
И есть в наличие матерьял.

¹ Самый высокий холм в древнем Пскове.

Смогу законно и победно
Сказать милашечке своей:
— Явись в мои апартаменты
И мной по ордеру владей!

Объяснение портного

Я в ателье могу гордиться,
Как бравый рыцарь на коне:
Прекрасных женщин вереница —
Живая очередь ко мне!

Сто тысяч платьев я примерил,
Все матерьялы теребя.
Сто тысяч женщин заприметил
И среди них избрал тебя.

Когда своя рука владыка,
Одену я тебя в шелка,
Любовь портного не безлика,
Возьму меха у скорняка.

Оценишь ты мои заслуги,
Поймешь, что мода молода —
И станут все твои подруги
Тебе завидовать всегда!

Объяснение парикмахера

Когда от полюса до полюса
Изучен каждый материк,
Твои загадочные волосы
Прекрасней, чем любой парик.

Неповторим их цвет каштановый,
В них грусть ахматовских стихов,
И голос сказочной Неждановой,
И вкус монмартровских духов.

Тебе, однако, в парикмахерской
Грозит вульгарный перманент,
Коллега мой Лев Шахермахерский
Опошлит все в один момент!..

Спаси тебя от моды пагубной
Способен только я один,
Хваленный в нашей книге жалобной,
В тебя влюбленный паладин!

Объяснение сапожника

О красоте напрасны споры,
Сам Пушкин — лучший наш пиит —
Поставил ножку Терпсихоры
Превыше груди и ланит!

И я смотрю на ножку в оба,
Как на прекрасную мечту,
Но, если безобразна обувь,
Теряет ножка красоту!

Твоя изысканная ножка
Как вдохновение мое:
Ботинки, туфли и сапожки
Я изготовил для нее.

Люблю тебя зимой и летом,
Ты всех желанней и милей —
Приди ко мне домой, при этом
В удобной обуви моей!

Объяснение тракториста

Не устрашась небесных кар,
Икар стремился к высшим правдам.
Был первым летчиком Икар,
А также первым космонавтом.

Икар умел держать фасон,
Вдыхать озон в пространстве чистом,
А уважаемый Язон
Был самым первым трактористом.

Боролся он за новый быт,
За вспашку зяби особливо —
И позаброшен, позабыт.
А разве это справедливо?

Весенний близится сезон,
Прекрасной техникой владея,
Люблю тебя, как тот Язон,
Но поступлю не так, как он:
Не брошу, нет, как ту Медею!

Объяснение фотографа

Свое вниманье проявлю,
Такое дело — не десятое:
Тебя люблю и проявлю
И в тот же вечер отпечатаю.

Не уподоблюсь трепачу:
И в интерьере, и на гравии

Тебя сниму, тебе вручу
Любых размеров фотографии.

Не пропадешь, не сгинешь ты
Ни под Москвой, ни в Евпатории:
Неповторимые черты
Пусть сохранятся для истории!

Доверься мне и будь моей,
Решим проблемы наши личные.
Лишь для меня ты всех милей,
Что значит: всех фотогеничнее!

Объяснение шахматиста

Как невнимательная дева,
Пред шахматистом не форси,
Стареют даже королевы
(Но не ферзи, но не ферзи!).

Не вечно будешь молодой ты,
Свое успеют взять года,
Красивой, как задача Ллойда,
Ты быть сумеешь не всегда!

От непредвиденной обиды
Любовь спасет и сохранит,
Как хитроумная защита
И как блистательный гамбит!

Любовь серьезную почувствуй
И от нее не откажись.
Она как шахматы: искусство,
Игра, наука, спорт и жизнь!

Объяснение яхтсмена

Не надо спорить против факта:
Когда взиграет ветерок,
То лучше яхты только яхта
И лучше водных нет дорог.

Люблю тебя, моя царевна,
Желаешь стать царевной вод —
Тебя беру закономерно
В свой удивительный поход.

Я направляю парус светлый
И понимаю что к чему,
Иду по ветру против ветра:
Он служит мне, не я ему!

А если я сильнее, чем ветер
И волны бурные морей,
То я сильнее всех на свете,
Не спорь со мной, а будь моей!

КРАТКОСТИШЬЯ

* * *

Плывет луна за мной, как карась,
Не плыви, луна, отвяжись.
Разве знаешь ты, сколько раз
Начинал я новую жизнь.

* * *

Сам себе заехать в рожу
Я могу, а плюнуть — нет!
И стихов писать не брошу,
Потому что я поэт.

* * *

На пир в ауле
Отцы нам дали
Напареули
И цинандали!

* * *

Землю рыл искатель клада.
Занят был полезным делом.
А вскопай он землю сада,
Уж давно б разбогател он!

* * *

Исканья
Из камня.
Изделия
Из дерева.

* * *

Дело не в печатанье, не в литере,
Не умру, так проживу и без;
На творителей и вторителей
Мир разделен весь.

* * *

Бегут, бегут, бегут олешки,
Подобны песне камчадальей
Твоей судьбы орлы и решки
Обращены в просторы далей.

* * *

А минувшее все непонятнее ребусов,
И его не понять, не читая томов;
Но чем больше в Москве двухэтажных
троллейбусов,
Тем меньше в Москве двухэтажных домов.

* * *

Хотя новы дома,
Но предрассудки стары,
И горе от ума
Есть смерть Вазир Мухтара.

* * *

Посмотри на искусство просто,
Отодвинься от подражання;
Нет однойства, но есть единство
Формы и содержания.

* * *

Сказал идущий очень быстро с выси
Взбирающемуся на высоту:
— Ты, братец, с черепашьям ходом свыкся,
Взгляни, взгляни, как быстро я иду!

* * *

Он ничего не знает лучше,
Чем внешнее благополучье.
Хоть у разбитого корыта,
Лишь было бы все шито-крыто.

* * *

Не все сложное —
Ложное.
Не все простое —
Пустое.

Акростики

РАЗДУМЬЯ

1

Нам нравится удача без труда,
Она встречается не очень часто.
На счастье я надеюсь иногда,
Но лучше не надеяться на счастье.
Ему — увы — сопутствует беда.

2

Трудиться надо с полной отдачей:
От творчества я человеком стал,
Но если вдохновенья не истрочу...
Есть выраженье: мертвый капитал.
Что может быть несчастнее колодца,
Который превращается в болотце?
Его воды никто не пожелал.

3

О доблестях, о подвигах, о славе
Любой чудаки мечтать, конечно, вправе,
Еще не поздно, радужна мечта.
Что будет, если смолкнут птичьи песни?
Когда мечта, как летний сон, исчезнет,
Ее зимой заменит пустота!

4

Гениальность часто не в чести,
 Актуальность не доска Почета,
 Но неповторимые пути
 И открытья не смахнуть со счета.
 Человек ржавеет, как металл,
 Если нету у него исканий,
 Вижу одинаковый финал
 У изобретений и изданий!

5

Железный век железно умер,
 А наше время удалей его:
 Разумный человек подумал
 О всей таблице Менделеева.
 В век повсеместного прогресса
 Уран сильнее, чем железо!

6

Не очень трудно безрассудно
 Идти проторенной тропой,
 Любим героем стать нетрудно,
 И трудно быть самим собой!
 Нет если собственной удачи,
 Успехи — те же неудачи!

7

Растут всего быстрее сорняки,
 Они толпятся возле каждой дачи.
 Свирепствуют рассудку вопреки
 Иллюзии, как телепередачи.

Нам часто досаждают дураки,
О пустяках бессмысленно судача.
Чтоб не потратить жизнь на пустяки,
Которые вредны, как неудачи,
Есть мудрость. От нее не убеги!

8

Ошибки мне сопутствуют всегда,
Свершаю их и в шахматах, и в жизни
И не могу сказать, что без вреда,
Пожалуй, многие из них излишни:
Обидно — не исчезнут без следа,
В час горести не вызовут улыбки.
Утешусь тем, что признаю ошибки!

АРБАТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

1

Арбат преданьями богат.
Люблю и не люблю Арбат
Лишений тяжких и утрат,
Ошибок многих и отрад.
Что он не свят, а виноват,
Как прокурор, заметить рад —
Ему я также адвокат.

2

Арбат. Я прожил в нем полвека,
Люблю свой старенький Арбат.
Его воспел Булат-коллега,
Король гитар, сосед Булат.

Смотрю на собственное детство,
Есть тут и молодость моя.
Ее в дни радостей и бедствий
Встречали старые друзья
У незабытого подъезда.

3

Ночь. Как корабли мироздания
Арбатские темные зданья.
Там дремлют читатель и зритель.
А, неутомимый бродяга,
Шатается ветер, однако
Его не берут в вырезвитель.

* * *

В. З.

Борода становится белей
От традиционного Борея.
Радостен бывает юбилей,
Если я при этом не болею.

Скверно быть больным или усталым,
Лучше не болеть напрасно нам —
Устремиться к лучезарным далям,
Целину освоить или БАМ!

К морю путь направить или в горы,
Отдохнуть на дальнем берегу.
Может, снова, как в былые годы,
Уходить и уезжать смогу!

* * *

**Южносахалинская тайга
Разрослась по сопкам и ущелью —
И печаль познала и веселье
Южносахалинская тайга.**

**Поезда не ведают безделья,
А над ними падают снега.
Называясь иногда метелью,
Кружится свирепая пурга.**

**Радуют от снега загражденья,
А вокруг веселые растенья,
Тронутые зимней сединой.**

**Осень золотая отступила,
В чаще леса грустно и уныло
Улюлюкнет ветер ледяной.**

* * *

Деревья обретают мощь:
Июнь — добротный месяц года.
Мы ощущаем в царстве рощ
Его приятную прохладу.

Когда звенит в зените зной,
Отлично выглядит прохлада:
Вольготно в чаще теневой,
А речка свежестью богата.
Ленивым стал рыбак иной:
Ерш не клюет, ну и не надо!..
Волна играет с тишиной,
У добрых вод цветет отрада!

* * *

Щебечут птицы по весне
У нас на стареньком Арбате.
Приятно в день весенний мне
Лесной
 коснуться благодати.

Естественно, меня влечет
Целебная природа мая.
Она сияет, принимая
Весенний творческий отчет
У певчих птиц родного края!

СТАРОМУ ДРУГУ НА НОВЫЙ ГОД

P.....e...

1

У вершины Эвереста,
Мутновато-голубой,
Не искал себе невесты,
Ибо встретился с тобой.
Цель оправдывает средства,
Если нет в них изуверства!

2

Успех сопутствовал не часто,
Мне редко улыбалось счастье
На сложных жизненных дорогах.
И в праздники, и в дни недуга
Ценю тебя всегда, как друга,
Единственного из немногих!

* * *

Несут свои воды незнанные реки
Анадырь и Колыма.
Решительно действуют, словно коллеги,
Осенняя стужа и тьма.
В краю глухومانном и в нынешнем веке
Чертовски свирепа зима,
А все же весна распускает побеги,
Текут ручейки, забывая о снеге,
Отрадно все это весьма!
Вот так на Чукотке, вот так и у Шмидта
Улыбка весны крепче водки и спирта!

ТРЕТЬЕ ОКТЯБРЯ

(Сонет-акростих)

Съездить можно по грибы,
Если чувствуешь природу.
Роща. Мощные дубы.
Ежик чует непогоду.
Желтоваты в речке воды,
Ежели не голубы.

Нет грибов для похвальбы,
А зовут, зовут походы.
Роща все еще жива,
Осыпается листва —
Величайшая краса.
Что-то грустно стало вдруг,
А разбросаны вокруг
Таинства и чудеса.
Осень все-таки права:
В день большого торжества
Улыбаются леса!

Конец сентября 1979 г.

* * *

Была блаженной Болдинская осень.
Ее не смог сам Пушкин повторить.
А приезжал, желал, конечно, очень
Так, как тогда, трудиться и творить.
Уныло муза пролетала мимо.
Сам Пушкин понимал: неповторима
Его сказаний золотая нить!

ЕДИНСТВО

1

Законы всех искусств едины,
Едино царство красоты.
Литературные вершины
Изобразительно просты.
Камней сверкающие грани
И рифмы четкие стихов
Не сгинут в сумрачном тумане
Ушедших в прошлое стихов.

2

За час могу сложить стихотворенье,
Его могу сложить и за минуту.
Легко проходит это ускоренье —
Использовать его в стихах не буду.
Как ювелиру предстоит трудиться,
Ища не скоростной рекордный путь,
Не следует поэту торопиться,
Успех его не в скорости отнюдь!

* * *

Нет жизни на других планетах!
Есть жизнь! А почему и нет?
Лететь туда должны поэты,
Лишь люди установят это
И точный смогут дать ответ!

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ

* * *

С чудным именем Глазкова
Я родился в пьянваре,
Нету месяца такого
Ни в одном календаре!

* * *

Вокруг трамвайной линии
Стоят деревья в инее,
Не красные, не синие,
А черт знает какие они!

* * *

Давным-давно
Темным-темно;
Но все равно
Смотрю в окно.

* * *

В глубоком овраге растет крапива,
В глубоком овраге течет вода,

А я иду по тропинке обрыва,
И никто не толкает меня туда.

* * *

К небу туча сплошная приколота,
И от тучи сплошная тень.
Ну а люди бегут по городу,
Продавая за деньги день.

* * *

Знаю я, что снова и снова
Будут промахи и повторенья,
А последнее слово СЛОВА
Откровенность на уровне откровенья.

* * *

Сказал агроном: — Что такое поля?
Пол-Я!
Сады, огороды, луга к их наделам
Прибавьте — и стану я целым!

* * *

Бывают в нашей жизни величины
Сложней привычных степеней, корней:
Так женщина умнее, чем мужчина,
Ну а мужчина женщины умней!

* * *

Трехсотлетние деревья
Быть должны отнесены
К удостоенным доверья
Памятникам старины!

* * *

Будут гонки, либо ралли
Все за те же гроши —
Мы маршрут не выбирали
И машину тоже!

* * *

В осенний день и в летний день
От Магадана и до Юрмалы
Встречал я множество людей,
Совсем лишенных чувства юмора!

* * *

В пустыне мрачной Каракум
Сказал невзрачный каракурт:
— Коллега мой тарантул
Не наделен талантом!

* * *

Он говорил: — В наш век нужны машины,
Ну а стихи — занятие бесполезное.—
А в это время в книжном магазине
Толпились покупатели поэзии.

* * *

Пусть заходит ум за разум
В мире неизвестности...
Но не сдамся двум заразам —
Тусклости и трезвости!

* * *

Жил да был один кувшин,
Он хотел достичь вершин,
Но не смог достичь вершин,
Потому что он кувшин!

* * *

Луна вершит морей приливами
И отступающей волной,
Она лежит в пруде под ивами,
И все бывает под луной.

* * *

Он хочет порох держать сухим,
Его намерения самые чистые,
Но он этот порох вставляет в стихи,
А стихи у него водянистые!

* * *

Про него ничего такого
Не хочу говорить плохого,
А хорошего — не солгу —
Про него сказать не смогу!

* * *

В искусстве чтобы сделаться хорошим,
Похожим надо стать и непохожим:
Похожим на природу, на свой век —
И непохожим на своих коллег.

* * *

Всеми фибрами своих колес
Мчался в век прогресса паровоз,
Но, как ретроград и мракобес,
В век прогресса паровоз исчез!

* * *

Сужу по людям, по поступкам:
У каждого свой потолок,
А он взобрался по уступкам
И воду в ступе потолок.

* * *

Ярчайший головной убор,
На грани чуда совершенного —
Таков единственный собор:
Собор Василия Блаженного!

* * *

Написал то же я,
Быть может, что и прочие,
Но самое хорошее
В том, что покороче.

* * *

Я иду по улице,
Мир перед глазами,
И стихи стихаются
Совершенно сами.

СОДЕРЖАНИЕ

ХЛЕБОЗОРЫ

Про войну	3
«На ветках крохотных берез...»	3
«Писатель рукопись посеял...»	4
«За неведомым бредущие...»	5
Хлебозоры	5
«Ветер, поле, я да Русь...»	9
Эпилог	10
«О счастье не могло быть речи...» . .	10
9-е мая	11
Пятнадцать лет спустя	11
Всемирная история в самом сжатом очерке	12
«В созвездья линзами двойками...» .	12

«Как рыбы золотые купола...» . . .	13
«Земля просторна, и на ней не тесно...»	13
Сказ о старинном русском зодчем Фе-	
доре Коне	14
Никудан	19
Арон Копштейн	19
Юрка-граф	21
Литовские стрельцы	22
«Вечная слава героям...»	23
Чеховский домик	23
Турецкая сабля	24
Почему я отказался от самолета . . .	25
«У нас так любят переименовы-	
вать...»	25
«Оттого, что жизнь моя — легенда...»	26
Иван Голиков	28
«Геологи брели пустынной тундрой...»	28
«Пусть с вашей точки зрения...» . . .	29
Моя жена	30
Последний зимний	31
Дождь 16 августа	32
Фильм «Александр Невский»	33

АВТОПОРТРЕТ

«Стихи — не ноги футболиста...» . . .	36
«Куда спешим? Чего мы ищем...» . . .	36
Гимн клоуну	37
«Желаю стать таким опять...»	37
Себе	38

«Дома домов столицами столиц...» . . .	39
«Но если путь к иным победам...» . . .	39
«Своих стихов не издавая...» . . .	40
За мою гениальность!.. . . .	40
«Что такое моя биография?...» . . .	41
В. Хлебникову	42
«Хочу одного, хотя я изгой...» . . .	43
«Быт заел или сам устал...» . . .	44
Мужик	44
Водопад Кивач	46
«Мне победа нужна, а не месть...» . .	46
«Так работают: утро, день, вечер...» .	47
«Где они, на каких планетах...» . . .	47
Про чертей	48
«Зал рукоплескал...»	49
«Москва послевоенная...»	51
«Вне времени и протяжения...» . . .	52
«Не я живу в великом времени...» . .	54
«И в этой самой жизни нашей...» . . .	55
«Мы подрубим сучки...»	55
Любимая игра	56
«Жизнь моя для стихов исток...» . . .	57
«Что ни год, идет вперед...»	57
«Я стремлюсь, влюбляясь и рискуя...»	58
«Колосья подкосило колесо...» . . .	59
«Кем больше быть хочу,— спроси- ли...»	59
«Жить и жить полезней и прелест- ней...»	60
Краткостишья	60

ХИХИМОРА

Новгородская грамота	63
«От ерунды зависит многое...» . . .	64
Хихимора	64
«Раннее утро. Москва тиха...» . . .	68
«Могу от женщин одуреть я...» . . .	70
Чистая лирика	70
«Ты, как в окно...»	78
Вступление в поэму	79
«Не знаю сам, к чему все клонится...»	80
Королеве утренних лучей	81
Дождь	82
Свадебный тост	83
«Говорят, что под старость...» . . .	84
«Рассчитывая на успех...»	84
«Скажи, сказать какие я еще...» . . .	85
Гололедица	85
«Было очень много неудач...» . . .	86

ПОЭТОГРАД

«Светает. Наступает день...»	87
«Существует четыре пути...»	87
Ворон	88
С чего начинается поэзия?	90
«Ибо наши стихи никогда не умрут...»	90
В Переделкине у Пастернака весной	
1941-го	91
Послание Мише Луконину	91

Расулу Гамзатову (<i>Самые важные слова на буквы «Р», «Г»</i>) . . .	93
«Да здравствуют мои читатели...» . . .	95
«Шаги батальона от боя до боя...» . . .	96
Юбилейное	97
Краткостишья	98

КОЛЬЦА ЗИМ

Кольца зим	100
«Есть на этом свете счастье?...» . . .	101
Слово	101
Роман-Кош	102
«Сапер ошибается только рая...» . . .	102
«Скажу неискренно...»	102
«Как следует писать стихи?...» . . .	103
Курортный город	103
Долгожители	104
Ровеснице	105
Ироническая лирика	106
Руки	106
«Не очень трудно обмануть...»	107
«Не надо глупости бояться...»	108
Ювелиру	108
«Покуда карты не раскрыты...» . . .	111
«Все беды причиняют вред...»	111
«Молчи, семья...»	111
Двустышья	112
Богатырское распустье	114
Поэт и дьявол	115

Баллада	116
Романтическая баллада	117
Церера (<i>Гипотеза</i>)	119
Поэт и рояль	120
Лапоть	121
Емеля (<i>Из детских воспоминаний</i>)	124
Чучуна (<i>Якутская легенда</i>)	126
Баллада о Прометее	128
Краткостишья	130

СТИХАЗИЯ

Осколки мозаично-фрагментарных поэм

Поэтоград (<i>Мозаично-фрагментарная поэма</i>)	133
Фантастические годы	
Часть первая	144
Часть вторая	148
Эпилог	153
Сорок скверный год. (<i>Дорога далека</i>)	155
Распутица (<i>По глазковским местам</i>)	163
На взятие Поэтограда (<i>Поэма</i>)	169
Великое начало (<i>Фрагменты</i>)	180
Первое впечатление	180
Одесса	180
Первые полеты	181
В Александровской слободе	182
Можайский	183
Нестеров	183
Исполнитель трюковых номеров	184

Циолковский	185
Личная встреча	186
Планерское	187
Цандер	187
Ракета 1933 года	188
Дополнительный двигатель	189
«Конструктор главный — это режиссер...»	190
Задача гения	190
1957 год	191
Космический корабль	192
«Бывает. Кто-то вовремя не признан...»	193
Песня о Звездном городке	193
Пусть солдаты немного поспят	194
Ночь двенадцатого апреля	195
«Согласно сказкам старым ...»	195
Краткостишья	197

ОБЪЯСНЕНИЯ В ЛЮБВИ И НЕЛЮБВИ

«У меня такое мнение...»	199
По поводу бороды	199
Разговор с чертом	200
Амулет	202
«Жил критик. Он смеялся, плакал...»	202
Леший	203
Вселенская тоска	204
Сценаристу, желающему заснять цунами	204

«Поэзия всем улыбается радужно...»	205
«А вы все, а вы все...»	205
Про обезьян	206
Тапочки	207
«Живешь, хитроумных стихов не тер- пя...»	208
«Как богатырь ушел и недалеко я...»	209
«Вы, которые не взяли...»	209
«Не благородный древний грек...» .	210
Лев и человек (<i>Басня</i>)	210
Вольное подражание Андрею Возне- сенскому	212
Автопародия	213
Игра в кирпичи, или Смерть Ахилла (<i>Подражание Борису Слуцкому</i>)	214
Пародия на Михаила Кульчицкого .	215
Офицеры играют в карты (<i>Сергей Наровчатов</i>)	216
Объяснения в любви мастеров	
Объяснение альпиниста	218
Объяснение бортмеханика	218
Объяснение водолаза	219
Объяснение геолога	220
Объяснение Деда-Мороза	220
Объяснение жонглера	221
Объяснение золотонкателя	222
Объяснение историка	222
Объяснение маляра	223
Объяснение портного	224
Объяснение парикмахера	224

Объяснение сапожника	225
Объяснение тракториста	226
Объяснение фотографа	226
Объяснение шахматиста	227
Объяснение яхтсмена	228
Краткостишья	229

АКРОСТИХ

Раздумья	232
Арбатские воспоминания	234
«Борода становится белей...»	235
«Южносахалинская тайга...»	236
«Деревья обретают мощь...»	237
«Щебечут птицы по весне...»	237
Старому другу на Новый год	238
«Несут свои воды незнакомые реки...»	238
Третье с октября (<i>Сонет-акrostих</i>)	239
«Была блаженной Болдинская осень...»	240
Единство	240
«Нет жизни на других планетах...»	241
Четверостишья	241

Глазков Н. И.

Г 52 Автопортрет: Стихи и поэмы.— М.: Советский писатель, 1984.— 256 с.

В эту книгу вошло лучшее из опубликованного при жизни видного русского поэта Николая Глазкова (1919—1979), а также новые стихи, в печати еще не появлявшиеся. Слав иронии и патетики, естественная разговорная интонация — вот характерные черты творчества Н. Глазкова, ярко проявившиеся и в этой книге.

Г 4702010200—288 171—84
083(02)—84

P2

Составитель
Рофина Моисеевна Глазкова

Николай Иванович Глазков

АВТОПОРТРЕТ

М., «Советский писатель», 1984, 256 стр.
План выпуска 1984 г. № 171

Редактор *Е. Л. Храмов*
Худож. редактор *Д. С. Мухин*
Техн. редактор *Н. Н. Талько*
Корректор *Л. Н. Морозова*

ИБ № 4128

Сдано в набор 06.04.84. Подписано к печати 18.07.84.
А 03573. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л 11,20. Уч.-изд. л. 8,66. Тираж 40 000 экз. Заказ № 214. Цена 1 руб. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11
Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

1 p.

